

ИНОГДА ПРЕДАТЕЛЬСТВО
НАЧИНАЕТСЯ С ЛЮБВИ...

ЧУЖОЙ РЕБЕНОК МОЕГО МУЖА

ЛИССБЕТ КОТЦОВА

Лиссбет Котцова

Чужой ребёнок моего мужа

<https://litres.ru/74205789>

Аннотация

ФИНАЛ На школьном празднике моя восьмилетняя дочь читала стихотворение об осени, а я сидела в первом ряду рядом с мужем и пыталась поверить, что наша семья еще может быть счастливой.

А потом к Кириллу подбежал маленький мальчик и на весь зал крикнул:

— Папа!

Мой идеальный муж побледнел. Не удивился. Не рассмеялся. Не сказал, что ребенок ошибся.

Он просто прошептал его имя.

Саша.

Так я узнала, что у мужчины, с которым я прожила одиннадцать лет, есть другая жизнь. Другая женщина. Другой ребенок. И ложь, которую он прятал от меня годами.

Но самым страшным оказалось не предательство.

Самым страшным стало то, что Кирилл был готов забрать у меня не только любовь, дом и прошлое. Он был готов забрать нашу дочь.

Теперь мне предстоит узнать, кто такая Марина Орлова, почему мой муж боится правды и сколько еще тайн спрятано в нашем безупречном браке.

Я думала, что потеряла семью.

Но, возможно, именно в этот день я впервые начала возвращать себя.

Содержание

Глава 1. Школьный праздник	5
Глава 2. Женщина из второго ряда	19
Глава 3. Первая ложь	38
Глава 4. Мальчик по имени Саша	54
Глава 5. Марина	76
Глава 6. Дом, который построен на лжи	94
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Глава 1. Школьный праздник

Анна всегда умела улыбаться так, чтобы никто не догадался, как сильно она устала.

Этому ее научила не жизнь даже — брак.

Она стояла у входа в актовый зал частной школы «Листопад», сжимая в руках букет белых хризантем, и смотрела, как ее дочь Лиза поправляет на голове ободок с золотыми звездочками. Девочка нервничала. У нее дрожали пальцы, хотя она делала вид, что просто приглаживает волосы.

— Мам, а если я забуду слова? — шепотом спросила Лиза.

Анна присела перед ней, осторожно убрала прядь за ухо и улыбнулась той самой улыбкой — теплой, уверенной, материнской. Такой, в которую ребенок мог спрятаться, как под одеяло.

— Тогда ты посмотришь на меня. Я буду сидеть в первом ряду и подсказывать глазами.

— Глазами нельзя подсказывать.

— Мне можно. Я же мама.

Лиза впервые за утро улыбнулась.

В такие секунды Анна забывала обо всем: о недосыпе, о вчерашнем молчании Кирилла за ужином, о его телефоне, перевернутом экраном вниз, о запахе чужих духов на воротнике рубашки, который она, конечно, заметила, но ничего не сказала.

В последнее время она слишком часто ничего не говорила.

Семья, как хрустальная ваза, не разбивается от первого удара. Сначала на ней появляются тонкие трещины. Их почти не видно. Гости восхищаются: какая красивая ваза, какая идеальная. А ты каждый день проводишь пальцем по стеклу и чувствуешь: еще немного — и она рассыплется.

— Ты где? — спросила Анна, не оборачиваясь.

Она знала, что Кирилл стоит позади. По запаху дорогого парфюма, по тишине вокруг него, по тому, как другие родители начинали незаметно выпрямлять спины, когда он входил в помещение.

Кирилл всегда умел входить так, будто мир был создан чуть ниже его роста.

— Здесь, — сказал он.

Голос спокойный, ровный, красивый. Когда-то Анна влюбилась в этот голос раньше, чем в самого Кирилла. Он говорил так, что рядом с ним казалось: все будет хорошо. Даже когда уже не было.

Он наклонился к Лизе:

— Ну что, звезда, готова покорить зал?

— Я не звезда, я Осень, — серьезно поправила дочь.

— Тем более. Осень покоряет всех без разрешения.

Лиза засмеялась и побежала к другим детям. Анна проводила ее взглядом. На сцене уже сустились воспитатели, поправляя декорации: картонные деревья, золотые листья, бу-

мажные облака. Родители рассаживались по местам, доставали телефоны, обсуждали костюмы.

Все было слишком обычным.

И именно это делало утро опасным.

— Ты сегодня красивый, — сказала Анна, наконец посмотрев на мужа.

Кирилл был в темно-синем костюме, который сидел на нем безупречно. Белая рубашка. Часы, подаренные ему партнерами на юбилей компании. Легкая щетина, тщательно сделанная небрежность. Мужчина, на которого оборачивались женщины и которого уважали мужчины.

Ее муж.

Отец ее дочери.

Человек, с которым она прожила одиннадцать лет и которого в последнее время знала меньше, чем соседа по лестничной площадке.

— У меня после праздника встреча, — сказал он вместо ответа.

Анна опустила взгляд на букет.

— Конечно.

— Не начинай.

— Я еще ничего не сказала.

— Ты умеешь начинать молча.

Она хотела ответить. Очень хотела. Но вокруг были люди. Вежливые, ухоженные, благополучные люди, у которых тоже, вероятно, что-то гнило за закрытыми дверями. Но здесь,

в коридоре дорогой школы, все держали лица.

Анна тоже держала.

— Лиза ждала тебя, — сказала она тише.

— Я пришел.

— За три минуты до начала.

— У меня работа.

Она кивнула. Работа у Кирилла была словом, которым закрывались любые двери. За ним можно было спрятать задержку, равнодушие, чужой звонок, пустое место за семейным ужином.

Когда они вошли в зал, им уступили два места в первом ряду. Анна почувствовала на себе взгляды. Она давно привыкла к тому, что их семью рассматривали. Кирилл Волков — владелец строительной компании, меценат школы, человек, чья фамилия открывала кабинеты. Анна Волкова — его красивая жена, сдержанная, тонкая, всегда безупречная. Их дочь — отличница, маленькая красавица.

Картинка.

Анна ненавидела это слово.

Праздник начался с песни. Дети стояли полукругом, кто-то махал родителям, кто-то забыл слова, один мальчик ковырял пальцем нос, девочка в костюме белочки расплакалась прямо на сцене. Родители умилялись, смеялись, снимали.

Лиза вышла третьей. Она держала в руках корзинку с бумажными яблоками и читала стихотворение о золотой осени. Сначала тихо, потом смелее. Анна улыбалась и чувство-

вала, как внутри нее растет нежность такая сильная, что почти больно.

Она повернулась к Кириллу.

Он смотрел на дочь. Внимательно, даже мягко. И в эту секунду Анна вдруг увидела того мужчину, за которого выходила замуж. Не холодного, не отстраненного, не вечно занятого, а живого. Их общего. Родного.

Может быть, подумала она, мы еще можем.

Эта мысль была слабой, почти стыдной. Но она появилась.

Лиза закончила стихотворение. Зал зааплодировал. Анна хлопала первой. Кирилл тоже улыбнулся и даже поднял большой палец. Лиза сияла.

А потом все произошло так быстро, что Анна сначала не поняла, почему зал изменился.

Дети начали спускаться со сцены. Воспитательница объявила следующий номер. Где-то сбоку открылась дверь. В зал вошла группа малышей из подготовительного класса — им, видимо, нужно было выступать после старших.

Один мальчик отделился от группы.

Он был маленький, лет шести. Темноволосый, в белой рубашке и серой жилетке. В руках он держал бумажный кленовый лист, такой большой, что почти закрывал ему грудь. Сначала Анна просто заметила его потому, что он шел не туда. Не к сцене. Не к воспитательнице.

Он шел к ним.

Точнее — к Кириллу.

Мальчик увидел его и вдруг расцвел лицом. Так дети улыбаются только тем, кого любят безусловно. Не знакомым. Не добрым взрослым. Не «дяде Кириллу».

Он бросился вперед, задел стул, чуть не упал, но добежал.

И на весь первый ряд, на весь актовый зал, где только что смеялись и хлопали, звонко сказал:

— Папа!

Анна не сразу повернула голову.

Иногда сознание защищает нас от удара на долю секунды. Дарит ничтожную, жалкую отсрочку. В эту секунду она успела услышать шорох платьев, чей-то сдавленный смешок, голос воспитательницы: «Саша, стой...»

Саша.

Мальчик уже обнимал Кирилла за колени.

— Папа, ты пришел! А мама сказала, ты не сможешь!

Зал не замер. Люди не перестали дышать. В реальности скандалы редко выглядят как в кино. Кто-то продолжил снимать, кто-то сделал вид, что ничего не услышал, кто-то быстро отвернулся, чтобы удобнее слушать.

Но Анна услышала все.

Каждую букву.

Папа.

Ты пришел.

Мама сказала.

Она посмотрела на Кирилла.

И если бы он удивился, если бы рассмеялся, если бы мяг-

ко отстранил мальчика и сказал: «Ты ошибся, малыш», — возможно, Анна нашла бы в себе силы поверить. Хотя бы на несколько минут.

Но Кирилл не удивился.

Он побледнел.

Не сильно. Не так, чтобы заметили все. Но Анна знала его лицо лучше любого человека в этом зале. Она знала, как двигается жилка у него на виске, когда он злится. Как сжимаются губы, когда он лжет. Как каменеют глаза, когда теряет контроль.

Сейчас он потерял контроль.

— Саша, — сказал Кирилл тихо.

В этом имени было слишком много привычки.

Мальчик поднял голову:

— Я буду листиком. Смотри на меня, ладно?

Кирилл осторожно разжал его руки.

— Иди к воспитательнице.

— А ты потом ко мне?

Кирилл молчал.

Молчание длилось меньше секунды, но для Анны в него поместились годы.

Годы командировок. Поздних звонков. Случайных расходов. Нечетких объяснений. Его раздражения, когда она спрашивала: «Ты где?» Его фраз: «Анна, не устраивай сцен». Его отсутствия в те вечера, когда Лиза болела. Его усталости, которую она принимала за работу.

Саша ждал ответа.

— Потом, — сказал Кирилл.

Мальчик радостно кивнул и побежал обратно. Воспитательница схватила его за руку с испуганным лицом. Праздник продолжался. На сцене заиграла музыка. Маленькие дети начали кружиться с бумажными листьями.

Анна смотрела перед собой.

Ей казалось, что если она моргнет, то из глаз потечет не слеза, а что-то темное, густое, как чернила. И все увидят. Все поймут, что внутри красивой женщины в первом ряду только что что-то умерло.

Кирилл наклонился к ней:

— Анна.

Она не ответила.

— Не здесь.

Эти два слова ударили сильнее, чем «папа».

Не здесь.

Значит, есть что обсуждать. Значит, он уже знает, как это называется. Значит, проблема не в том, что мальчик ошибся. Проблема в том, что он сказал правду не в том месте.

Анна медленно повернулась к мужу.

— Кто он?

Кирилл посмотрел на сцену. Потом на людей вокруг. Он был не испуган за нее. Не за Лизу. Не за ребенка. Он был испуган за картинку.

— Потом поговорим.

— Кто он? — повторила Анна.

Ее голос был почти спокойным. Даже слишком. Кирилл всегда боялся ее спокойствия больше крика.

— Сын одной женщины. Я помогаю им.

— Он называл тебя папой.

— Дети иногда путают.

Анна усмехнулась.

Очень тихо.

— Дети путают ботинки. Цвета. Слова в стихотворении. Но не отцов.

Кирилл сжал челюсть.

— Сейчас праздник Лизы. Возьми себя в руки.

Она посмотрела на сцену.

Лиза стояла сбоку вместе с другими детьми и смотрела на них.

Не на танец.

На них.

В ее глазах был вопрос, который Анна не могла выдержать.

Она улыбнулась дочери. Механически. Как умела. Как делала годами. Лиза не улыбнулась в ответ.

Музыка закончилась. Родители захлопали. Анна тоже подняла руки и несколько раз ударила ладонь о ладонь. Звук получился чужой, сухой.

Когда начался следующий номер, она стала искать взглядом мальчика. Саша стоял в центре сцены, держал листик

и старательно повторял движения. Он был красивый ребенок. Очень. С темными волосами, ясными глазами и упрямым подбородком.

Анна вдруг поняла, на кого он похож.

Не полностью. Не так, чтобы сразу бросалось в глаза. Но линия губ. Брови. Этот наклон головы, когда он слушал воспитательницу.

Кирилл.

У Анны похолодели пальцы.

Она снова посмотрела на мужа. Он сидел неподвижно, но уже не смотрел на сцену. Его взгляд был направлен куда-то в правую часть зала.

Анна проследила за ним.

Во втором ряду, ближе к проходу, сидела женщина.

Лет тридцати пяти. Светлые волосы собраны в низкий хвост. Бежевое пальто на коленях. Красивое лицо без улыбки. Она не хлопала. Не снимала. Не смотрела на сцену.

Она смотрела на Анну.

И в этом взгляде не было ни стыда, ни растерянности, ни просьбы о прощении.

Только холодное ожидание.

Будто женщина давно знала, что этот момент наступит. Будто сидела здесь не как случайная зрительница, а как человек, который пришел забрать свое.

Анна медленно выпрямилась.

Внутри нее дрожало все, но снаружи она была неподвиж-

на. Белые хризантемы лежали у нее на коленях, и она вдруг заметила, что сломала один стебель. Цветок повис вниз, почти касаясь пола.

Кирилл прошептал:

— Анна, пожалуйста.

Она не повернулась к нему.

Слово «пожалуйста» прозвучало странно. За одиннадцать лет брака Кирилл редко просил. Он распоряжался, убеждал, давил, очаровывал, покупал, молчал. Но не просил.

Значит, боялся.

И почему-то именно это вернуло ей дыхание.

Праздник закончился через двадцать минут. Самые длинные двадцать минут в ее жизни.

Дети выбежали к родителям. Лиза бросилась к Анне, но на полпути замедлилась. Она посмотрела сначала на мать, потом на отца.

— Мам, я хорошо выступила?

Анна крепко обняла ее.

— Ты была лучше всех.

— Правда?

— Правда.

Кирилл наклонился, чтобы поцеловать дочь в макушку, но Лиза вдруг спросила:

— Пап, а почему тот мальчик назвал тебя папой?

Анна почувствовала, как его рука остановилась в воздухе.

Вокруг смеялись родители, шуршали пакеты, дети проси-

ли сладости, кто-то обсуждал фотографии. Жизнь продолжалась с чудовищным равнодушием.

Кирилл опустил руку.

— Он ошибся, солнышко.

Лиза нахмурилась.

— Но он был рад тебя видеть.

— Бывает.

— А кто его мама?

Анна посмотрела на женщину из второго ряда.

Та стояла у двери. Рядом с ней был Саша. Он держал ее за руку и смотрел на Кирилла так открыто, что Анне стало почти больно за него. Мальчик не понимал, что только что стал ножом, которым взрослые вскрыли чужую жизнь.

Женщина наклонилась к сыну, что-то сказала ему и повела к выходу.

Перед тем как уйти, она снова посмотрела на Анну.

И едва заметно улыбнулась.

Не виновато.

Победно.

Анна отпустила Лизу и поднялась.

— Кирилл, — сказала она тихо. — Мы едем домой. Сейчас.

— У меня встреча.

Она впервые за долгое время посмотрела на него без привычной просьбы понять, простить, объяснить, потерпеть.

— Отмени.

Он хотел возразить. Она увидела это по его лицу. Увидела прежнего Кирилла — уверенного, властного, привыкшего, что Анна уступит ради мира в семье.

Но сегодня мира уже не было.

Была сцена, украшенная бумажными листьями.

Был маленький мальчик, который назвал ее мужа папой.

Была женщина у двери.

И была Лиза, стоящая между ними с букетом в руках и глазами ребенка, который впервые почувствовал: взрослые умеют лгать не хуже детей.

Кирилл достал телефон.

— Я предупрежу водителя.

— Нет, — сказала Анна.

Он удивленно посмотрел на нее.

— Что нет?

— Сегодня ты поедешь с нами. В одной машине. Домой.

И по дороге ты начнешь говорить правду.

Кирилл медленно убрал телефон в карман.

— Ты не понимаешь, во что лезешь.

Анна улыбнулась.

На этот раз по-настоящему.

Не потому что ей было весело. А потому что внутри, под болью, под унижением, под страхом, вдруг поднялось что-то новое. Твердое. Опасное.

— Нет, Кирилл, — сказала она. — Это ты не понимаешь.

Она взяла Лизу за руку и пошла к выходу.

У самых дверей Анна заметила на полу маленький бумажный кленовый лист. Видимо, Саша уронил его, когда уходил. На обратной стороне детской рукой было написано одно слово:

«Папе».

Анна подняла лист.

Бумага была теплая, будто ребенок только что держал ее в руках.

Она сжала ее так сильно, что край смялся.

А потом услышала за спиной голос Лизы:

— Мам... а у папы есть еще одна семья?

Анна закрыла глаза.

Всего на секунду.

Потому что иногда именно с детского вопроса начинается конец взрослой лжи.

Глава 2. Женщина из второго ряда

В машине пахло кожей, детским лаком для волос и тем молчанием, которое бывает громче крика.

Анна сидела на заднем сиденье рядом с Лизой и держала на коленях смятый бумажный лист. Тот самый. Саша, мальчик с темными глазами и голосом, который до сих пор звучал у нее в голове, написал на нем неровными буквами: «Папе».

Кирилл сидел впереди, рядом с водителем.

Обычно он никогда так не делал. Обычно садился рядом с Анной, брал ее за руку, если за ними кто-то наблюдал, или просматривал почту, если наблюдателей не было. Но сейчас между ними было не расстояние в полтора метра.

Между ними сидел чужой ребенок.

И его мать.

И пять или шесть лет лжи.

— Домой? — спросил водитель, глядя в зеркало.

— Да, — сказала Анна.

— Нет, — одновременно с ней произнес Кирилл. — Сначала в офис.

Анна подняла глаза.

В зеркале она увидела не его лицо, а отражение лица. Чуть искаженное, с жесткими скулами и темной линией бровей. Так он выглядел на переговорах, когда собирался продавить свое решение.

— Мы едем домой, — спокойно сказала она.

— У меня встреча.

— Отмени.

Водитель сделал вид, что не слышит. Лиза сидела совсем тихо, прижимая к груди корзинку с бумажными яблоками. Ее праздничный ободок съехал набок. На щеке остался след от блески.

Анна смотрела на дочь и понимала: если сейчас начать кричать, Лиза запомнит не измену отца, не чужого мальчика и не женщину из второго ряда. Она запомнит мамин голос — сорванный, страшный, чужой.

Поэтому Анна не кричала.

И Кирилл это ненавидел.

— Хорошо, — сказал он после паузы. — Домой.

Водитель плавно вырулил от школы. За окном скользнули кованые ворота, охранник в форме, мамы с букетами, отцы с телефонами, дети в костюмах осени, которые еще не знали, что взрослые иногда разрушают праздник одним словом.

Лиза тихо спросила:

— Мам, можно я сниму ободок?

— Конечно, зайка.

Анна помогла ей. Пальцы не слушались. Она боялась, что дочь почувствует дрожь, поэтому улыбнулась.

Лиза не улыбнулась в ответ.

Она посмотрела на Кирилла.

— Пап.

— Да, солнышко?

Кирилл повернулся к ней сразу. Слишком быстро. Слишком ласково. Как человек, который хочет закрыть трещину ладонью, пока из нее не потекла вода.

— Тот мальчик правда ошибся?

В машине стало тесно.

Анна перестала дышать.

Кирилл чуть повернул голову к окну, потом снова к дочери. У него было несколько лиц. Анна знала почти все. Лицо для партнеров. Лицо для журналистов. Лицо для ее матери. Лицо для официантов, которых он не замечал. Лицо для женщин, которых хотел очаровать.

Сейчас он выбрал лицо отца.

Мягкое. Немного усталое. Надежное.

— Да, Лизок, — сказал он. — Он ошибся.

— Но он сказал, что его мама говорила, что ты не при-
дешь.

Кирилл замер.

Анна медленно повернулась к дочери.

Лиза опустила взгляд на корзинку.

— Я слышала. Он так сказал.

Дети слышат самое важное именно тогда, когда взрослые надеются, что они заняты конфетами, стихами или бумажными листьями. Дети умеют складывать обрывки фраз в страшные картинки. Не сразу. Не правильно. Но достаточно, чтобы больше не спать спокойно.

— Лиза, — начал Кирилл, — иногда люди говорят странные вещи.

— А его мама кто?

Анна ждала ответа.

Кирилл молчал.

Две секунды. Три.

И в этой паузе Анна вдруг поняла, что он не ищет правду. Он выбирает ложь, которая меньше повредит ему.

— Женщина, которой я помогал, — наконец сказал он.

— Почему?

— Потому что ей было трудно.

— А нам трудно? — спросила Лиза.

Анна закрыла глаза.

Нет, подумала она. Только не сейчас. Только не при ней. Только не заставляй ребенка быть умнее нас обоих.

— Лизонька, — сказала Анна мягко, — это взрослый разговор. Мы с папой дома все обсудим.

— А я не взрослая?

— Ты ребенок.

— Но если у папы есть еще один ребенок, это же про меня тоже.

Кирилл резко повернулся.

— У меня нет еще одного ребенка.

Анна посмотрела на него.

Вот она. Первая прямая ложь после того, как всё уже случилось. Произнесенная не ей, не взрослой женщине, кото-

рую можно обвинить в истерике. Произнесенная дочери.

Лиза будто сжалась.

— Я просто спросила.

— И я ответил.

Голос Кирилла был уже не мягким. В нем проскользнул металл.

Анна накрыла ладонь Лизы своей.

— Папа устал, — сказала она, не сводя глаз с мужа. — Поэтому говорит резко.

Кирилл понял удар. Его лицо почти не изменилось, но жилка на виске дрогнула.

До дома они ехали молча.

Только однажды телефон Кирилла завибрировал.

Он вынул его из кармана слишком быстро и так же быстро перевернул экраном вниз на колене. Но Анна успела увидеть имя.

Не полностью.

Только первые буквы.

Мар...

Марина?

Маргарита?

Мария?

Ей стало смешно. Почти. Вот так, оказывается, выглядит конец брака: не разбитая посуда, не крик, не чемодан у двери. Всего лишь три буквы на светящемся экране.

Мар.

Женщина из второго ряда.

Когда они подъехали к дому, Лиза первая выскользнула из машины. Она не побежала, как обычно, к двери. Не стала рассказывать охраннику, как читала стих. Просто пошла по дорожке, маленькая, прямая, слишком тихая для восьмилетнего ребенка.

Анна вышла следом.

Кирилл задержался у машины, что-то сказал водителю и только потом вошел в дом.

Их дом всегда казался Анне красивым.

Большие окна. Светлый камень. Кашпо у входа. Липы вдоль дорожки. Кирилл называл его «наша крепость». Анна когда-то верила. Теперь, переступая порог, она вдруг почувствовала: крепость может быть не защитой, а местом осады.

— Лиза, поднимись к себе, переоденься, — сказала она.
— Я сейчас приду.

— Вы будете ругаться?

— Нет.

Кирилл усмехнулся:

— Конечно нет.

Анна не посмотрела на него.

— Мы будем говорить.

Лиза переводила взгляд с матери на отца. Потом кивнула и пошла вверх. На середине лестницы остановилась.

— Мам.

— Да?

— Ты только не плачь.

Анна почувствовала, как внутри что-то надломилось.

— Не буду.

Лиза ушла.

Только когда наверху закрылась дверь, Анна повернулась к мужу.

— Кто она?

Кирилл снял пальто и аккуратно повесил его на плечики. Это было почти оскорбительно — такая спокойная, привычная, домашняя мелочь после того, как жизнь упала им под ноги.

— Ты сейчас не в состоянии разговаривать.

— Я задала вопрос.

— Я слышал.

— Тогда отвечай.

Он расстегнул часы, положил их на консоль у зеркала. Медленно. Демонстративно. Как будто именно он решал темп этой сцены.

Анна поняла: он пытается вернуть контроль.

Раньше это сработало бы. Она начала бы объяснять, что не хочет скандала, что ей больно, что она просто хочет понять. Она дала бы ему время придумать удобную версию.

Сегодня — нет.

— Ее зовут Марина? — спросила Анна.

Кирилл поднял глаза.

Небольшая ошибка. Почти незаметная. Но Анна увидела.

Попала.

— Да, — сказал он. — Марина.

— Фамилия?

— Зачем тебе?

— Фамилия.

— Анна.

— Кирилл, я не спрашиваю разрешения.

Он медленно выдохнул.

— Орлова.

Имя упало между ними, как предмет, которому еще предстоит стать уликой.

Марина Орлова.

Анна повторила про себя, чтобы запомнить. Не потому что хотела мстить. Пока еще нет. А потому что имя делает призрак человеком. А с человеком уже можно встретиться. Спросить. Посмотреть в глаза. Понять, где заканчивается чужая ложь и начинается твоя жизнь.

— Саша ее сын?

— Да.

— И твой?

— Нет.

Ответ прозвучал быстро.

Слишком быстро.

Анна кивнула.

— Хорошо. Тогда ты не будешь против теста ДНК.

Кирилл посмотрел на нее так, будто она ударила его при

свидетелях.

— Ты с ума сошла?

— Почему?

— Потому что это унижительно.

— Для кого?

— Для всех.

— Нет, Кирилл. Унижением было сидеть в первом ряду, когда мальчик обнимал тебя за колени и называл папой. А тест — это всего лишь бумага.

Он сделал шаг к ней.

— Ты не понимаешь. Там сложная ситуация.

— Объясни.

— Не сейчас.

— Сейчас.

— Я сказал, не сейчас!

Голос ударил по стенам холла.

Анна вздрогнула, но не отступила.

Наверху что-то тихо скрипнуло.

Они оба посмотрели на лестницу.

Лиза стояла там в дверях коридора, все еще в праздничном платье. В руках она держала плюшевого зайца, которого уже два года стеснялась брать при отце.

— Я хотела воды, — сказала она.

Кирилл мгновенно сменил лицо.

— Солнышко, иди к себе. Мы просто...

— Ты кричал.

— Я не на тебя.

— Но я слышала.

Анна пошла к лестнице.

— Иди, я принесу тебе воду.

Лиза не двигалась.

— Мам, а если тот мальчик не папин, почему папа злится?

Анна остановилась.

Ни один взрослый в этом доме не смог бы задать вопрос точнее.

Кирилл побледнел.

— Лиза, прекрати.

— Я просто не понимаю.

— В комнату.

Это было сказано не громко. Но так, что Лиза сразу отступила назад.

Анна медленно повернулась к мужу.

— Никогда больше не говори с ней таким тоном.

— А ты не устраивай допрос при ребенке.

— Это ты привел свою ложь в ее школу.

Он подошел ближе.

Теперь между ними было меньше метра.

— Следи за словами.

— А ты следил за своей жизнью?

Кирилл усмехнулся. Без радости.

— Вот она. Наконец-то настоящая Анна. Не идеальная жена с букетом, а женщина, которая готова сжечь дом из-за

слухов.

— Слухов?

Она достала из сумки смятый бумажный лист и бросила его на консоль рядом с его часами.

— Это тоже слух?

Кирилл посмотрел на лист.

На слово «Папе».

И впервые за весь день в его лице появилось что-то похожее на боль. Не страх. Не раздражение. Боль.

Это сбило Анну с ног сильнее, чем его ложь.

Потому что боль означала связь.

Значит, Саша был не ошибкой. Не обязанностью. Не «сложной ситуацией».

Он был важен.

— Сколько ему лет? — спросила Анна.

Кирилл молчал.

— Сколько?

— Шесть.

Анна коротко кивнула.

Шесть.

Лизе было восемь.

Она быстро посчитала, хотя считать было нечего. Шесть лет назад они с Кириллом уже были женаты. Лиза уже ходила в детский сад. Анна уже ждала его ночами с ужином, который потом выбрасывала. Уже верила в его усталость. Уже боялась быть навязчивой. Уже училась молчать.

— Шесть лет, — сказала она. — Ты лгал мне шесть лет?

— Я не был с ней все это время.

— Не это я спросила.

— Анна...

— Ты знал о ребенке?

Кирилл отвернулся.

Ответ был в этом движении.

Анна почувствовала, что ей нужно сесть. Но она не села. Если сейчас согнуться, он подойдет, возьмет ее за плечи, скажет правильные слова, и она опять окажется в знакомой ловушке: его голос, ее боль, их дочь наверху, дом, который нельзя разрушить.

Нет.

— Ты знал, — сказала она.

— Я помогал им.

— Ты был в роддоме?

Он молчал.

— На днях рождения?

Молчание.

— Он знает тебя как отца?

— Я не мог бросить ребенка.

Анна засмеялась.

Звук вышел тихий и страшный.

— Зато меня мог.

— Я тебя не бросал.

— Нет. Ты просто оставлял меня рядом, пока жил еще

одну жизнь.

Он потер лицо ладонями.

— Все было не так просто.

— Вранье всегда сложно, когда приходится объяснять его вслух.

Телефон Кирилла снова завибрировал.

Оба посмотрели на него.

Экран вспыхнул.

Теперь Анна увидела имя полностью.

Марина Орлова.

И сообщение под ним.

«Он спрашивает, почему ты ушел с той женщиной».

Той женщиной.

Анна прочитала эти слова и вдруг почувствовала странное спокойствие. До этой минуты она была женой, которую обманули. Теперь стала кем-то другим.

Той женщиной.

Не матерью его дочери. Не человеком, с которым он прожил одиннадцать лет. Не Анной.

Той женщиной.

Кирилл схватил телефон, но поздно.

— Она пишет тебе сейчас, — сказала Анна.

— Анна, не начинай.

— Я еще не начинала.

Она протянула руку.

— Дай телефон.

— Нет.

— Дай телефон, Кирилл.

— Это мой телефон.

— А это мой брак.

Он посмотрел на нее с раздражением, почти с презрением.

— Брак не дает тебе права рыться в моей личной жизни.

И вот тут Анна впервые по-настоящему поняла масштаб катастрофы.

Личная жизнь.

У него была личная жизнь отдельно от нее. Не работа. Не усталость. Не мужские слабости. Жизнь. С женщиной, ребенком, сообщениями после школьных праздников и вопросами: почему ты ушел с той женщиной?

— Хорошо, — сказала Анна.

Кирилл насторожился.

— Что хорошо?

— Не давай телефон.

Она взяла сумку.

— Я сама поговорю с Мариной.

Он изменился мгновенно.

— Нет.

Одно слово. Резкое. Слишком резкое.

Анна внимательно посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что ты сейчас на эмоциях.

— А она, видимо, очень спокойная. Даже улыбалась мне

у двери.

— Она не при чем.

— Конечно. Женщина, чей сын называет тебя папой, совершенно не при чем.

— Не трогай ее.

Анна замерла.

Эти слова прозвучали почти инстинктивно. Не продуманно. Не как часть защиты. Он сказал их слишком быстро, слишком лично.

Не трогай ее.

Одиннадцать лет брака, и Анна не могла вспомнить, когда он в последний раз так защищал ее.

Наверное, никогда.

— Ты сейчас правда защищаешь ее от меня? — спросила она.

Кирилл понял ошибку, но уже не мог забрать слова обратно.

— Я защищаю всех от глупостей.

— Нет. Ты защищаешь свою вторую жизнь.

Он резко подошел к окну.

— Господи, как же ты все упрощаешь.

— А ты усложни. Расскажи мне красивую версию. Например, как случайно стал папой чужому ребенку на шесть лет.

— Я сказал, он не мой сын.

— Тогда почему ты боишься Марины?

Кирилл обернулся.

— Я ее не боюсь.

— Боишься.

— Нет.

— Тогда позвони ей при мне.

Тишина.

Очень короткая.

Но достаточная.

Анна улыбнулась без улыбки.

— Вот видишь.

— Ты не понимаешь, с кем имеешь дело.

— С ней?

— И с ней тоже.

Эта фраза прозвучала странно.

Анна уловила в ней не только угрозу, но и усталость. Будто Марина была не просто любовницей, не просто матерью мальчика, а частью чего-то более тяжелого, липкого, давнего.

— Что она знает? — спросила Анна.

Кирилл отвел взгляд.

— Ничего.

— Ты опять слишком быстро отвечаешь.

Он сжал телефон в руке так, что побелели пальцы.

— Анна, я прошу тебя. Оставь это. Я решу.

— Ты уже решил. Шесть лет назад.

Она направилась к лестнице.

— Куда ты?

— К дочери. Ей сейчас страшно. Помнишь такую? Наша дочь.

— Не настраивай ее против меня.

Анна остановилась, не оборачиваясь.

— Тебе не нужна моя помощь, чтобы она начала сомневаться.

Наверху было тихо.

Слишком тихо.

Анна постучала в комнату Лизы.

— Можно?

Ответа не было.

Она открыла дверь.

Комната была пустой.

На кровати лежало праздничное платье. Ободок со звездочками валялся на полу. Окно было закрыто. Ванная пустая. Гардеробная тоже.

— Лиза? — позвала Анна.

Сначала спокойно.

Потом громче.

— Лиза!

Кирилл поднялся по лестнице за несколько секунд.

— Что?

— Ее нет.

— Как нет?

— В комнате нет.

Они проверили второй этаж. Игровую. Кабинет Анны. Го-

стевую. Лиза не отвечала.

Анна почувствовала, как страх холодной рукой сжал горло.

— Она могла спуститься?

Кирилл уже набирал охрану.

— Проверьте камеры. Сейчас же.

Анна выбежала в коридор и вдруг увидела на полу маленький след блески. Потом еще один. Лиза оставляла их после праздника, сама того не зная. След вел к дальней лестнице, которой пользовалась прислуга.

Анна пошла по нему.

Вниз.

К черному выходу.

Дверь была приоткрыта.

На крыльце стояла Лиза.

Одна.

В тонкой кофточке, без куртки, с телефоном в руке.

Анна подбежала к ней.

— Господи, Лиза! Ты что здесь делаешь?

Девочка подняла на нее глаза.

Они были сухими. Слишком взрослыми.

— Я хотела узнать правду.

— Какую правду?

Лиза показала телефон.

На экране был открытый школьный чат. Кто-то из родителей уже прислал видео с праздника. То самое мгновение,

где Саша бежит к Кириллу и кричит: «Папа!»

Под видео было сообщение от неизвестной женщины.

«Может, пора всем узнать, что у Кирилла Волкова две семьи?»

Анна медленно взяла телефон из рук дочери.

Внизу, под сообщением, было имя отправителя.

Марина Орлова.

Лиза смотрела на мать и едва слышно спросила:

— Мам, это правда?

За спиной Анны остановился Кирилл.

Он тоже увидел экран.

И впервые за весь день не сказал ни слова.

Потому что иногда правда приходит не тогда, когда взрослые готовы признаться.

А тогда, когда лгать уже поздно.

Глава 3. Первая ложь

Анна всегда думала, что правда звучит громко.

Как хлопок двери.
 Как разбитая тарелка.
 Как крик, после которого уже невозможно сделать вид, что ничего не случилось.

Но в тот вечер правда светила на экране детского телефона.

Тихо.
 Белым фоном школьного чата.
 Черными буквами под чужим видео.

«Может, пора всем узнать, что у Кирилла Волкова две семьи?»

Анна смотрела на эти слова и не могла отвести глаз. Кажалось, если она моргнет, сообщение исчезнет, видео удалят, Марина Орлова окажется больной женщиной с фантазиями, Саша — просто ребенком, который перепутал взрослого мужчину с отцом.

Но экран не менялся.

Видео начиналось заново само по себе: маленький мальчик бежал по актовому залу, бумажный лист дрожал в его руке, родители оборачивались, воспитательница тянулась к нему, но не успевала.

— Папа!

Голос Саши снова ударил в грудь.

Лиза стояла рядом с Анной на холодном крыльце и смот-

рела не на телефон, а на мать. В ее глазах была не детская обида, не каприз, не испуг после родительской ссоры. Там было что-то хуже.

Ожидание.

Ребенок ждал, какую реальность сейчас выберут для него взрослые.

Кирилл стоял за спиной. Анна чувствовала его присутствие физически: напряжение, злость, страх, который он пытался спрятать под привычной властью. Он не подходил ближе. Не забирал телефон. Не обнимал дочь.

Молчал.

И этим молчанием подтверждал больше, чем мог бы сказать словами.

— Мам, — повторила Лиза. — Это правда?

Анна медленно опустила телефон.

Ветер шевельнул тонкие волосы у висков дочери. Лиза вышла на улицу без куртки. Ее пальцы покраснели от холода, но она даже не дрожала. Она была слишком сосредоточена на том, чтобы не пропустить ответ.

Анна хотела сказать: «Нет».
Хотела сказать: «Это ошибка».
Хотела сказать: «Папа все объяснит».

Так говорят матери, которые надеются выиграть несколько минут детского спокойствия, а потом ночами ненавидят себя за то, что стали частью чужой лжи.

Анна присела перед дочерью, как утром перед праздником.

Только утром Лиза боялась забыть слова стихотворения.

А теперь боялась узнать слова, после которых семья перестанет быть прежней.

— Я пока не знаю всей правды, — сказала Анна тихо. — Но я знаю, что тебе не должны были писать такое в чат. И ты не должна была узнавать это так.

Лиза моргнула.

— Значит, это может быть правда?

Анна почувствовала, как Кирилл сделал шаг вперед.

— Лиза, — произнес он, — иди в дом.

Дочь даже не посмотрела на него.

— Я спросила маму.

Кирилл остановился.

Анна никогда раньше не видела, чтобы один детский взгляд мог так сильно ударить взрослого мужчину. Кирилл привык, что люди слушают его сразу. Подчиненные, водители, официанты, партнеры, иногда даже Анна.

Но Лиза сейчас выбрала не его.

И он это понял.

— Лиза, — Анна взяла ее холодные ладони в свои, — взрослые совершили ошибки. И мы с папой должны поговорить. Но что бы ни случилось, ты не виновата. И тот мальчик тоже не виноват.

— Он мой брат?

Вопрос прозвучал почти беззвучно.

Анна не успела ответить.

— Нет, — резко сказал Кирилл.

Лиза вздрогнула.

Анна медленно поднялась.

— Хватит.

— Что хватит? — Кирилл посмотрел на нее так, будто именно она устроила эту сцену, именно она написала сообщение в чат, именно она привела Сашу в школу. — Ты хочешь, чтобы я стоял и слушал, как моему ребенку забивают голову грязью?

— Твоему ребенку? — тихо спросила Анна.

Он понял не сразу.

Потом его лицо изменилось.

Слишком поздно.

Лиза тоже слышала.

Взрослые часто недооценивают детей. Думают, что они не замечают пауз, оговорок, смены интонации. Но дети годами живут среди взрослых тайн и учатся читать воздух раньше, чем книги.

— Ты сказал «моему ребенку», — прошептала Лиза.

Кирилл закрыл глаза на секунду.

— Я имел в виду тебя.

— Нет, — сказала Лиза. — Ты сказал не так.

Анна крепче сжала ее ладони.

— Зайка, иди в дом. Пожалуйста. Ты замерзла.

— А вы опять будете говорить без меня?

— Да, — честно сказала Анна. — Потому что некоторые

разговоры должны сначала выдержать взрослые.

Лиза долго смотрела на нее. Потом кивнула. Забрала телефон из рук Анны и пошла в дом, не взглянув на отца.

Дверь закрылась.

Только после этого Кирилл выдохнул:

— Ты довольна?

Анна повернулась к нему.

— Чем именно?

— Ты сделала из меня чудовище в глазах дочери.

Она смотрела на него и почти не узнавала. Тот самый мужчина, который полчаса назад бледнел от одного детского слова, теперь стоял прямо, уверенный в своей правоте. Как будто успел за эти минуты переписать случившееся так, чтобы снова оказаться не виноватым, а атакованным.

— Нет, Кирилл. Это ты сделал. Я просто не стала подпи-
рать твою ложь собой.

Он усмехнулся.

— Какая красивая фраза. Илья Соколов уже учит тебя го-
ворить?

Анна нахмурилась.

— Кто?

Кирилл на долю секунды замер.

И снова — ошибка.

Сегодня он совершал их одну за другой, потому что впер-
вые не успевал строить стены.

— Никто, — сказал он.

— Ты назвал имя.

— Я сказал первое, что пришло в голову.

— Илья Соколов? Кто это?

— Неважно.

Анна запомнила имя так же, как недавно запомнила имя Марины Орловой. В этот день ее жизнь начала наполняться чужими именами, каждое из которых Кирилл знал, а она — нет.

Марина.
 Саша.
 Илья Соколов.

Сколько еще людей жило внутри ее брака?

— Нам нужно войти в дом, — сказал Кирилл. — И спокойно поговорить.

— Спокойно?

— Да. Без истерик, без обвинений, без спектаклей перед ребенком.

Слово «истерик» было старым ключом. Он много лет открывал им в Анне нужную дверь. Стоило Кириллу сказать «не истери», и она начинала говорить тише. Сомневаться. Объяснять, что просто переживает. Просить прощения за собственную боль.

Но сегодня ключ не подошел.

— Ты не будешь называть мою реакцию истерикой, — сказала Анна. — Больше никогда.

Кирилл посмотрел на нее внимательнее.

И впервые за вечер, кажется, заметил, что перед ним стоит не та женщина, к которой он привык возвращаться после

своих исчезновений.

Они вошли в дом.

Холл встретил их мягким светом, запахом кофе из кухни и безупречной чистотой, которую Анна когда-то считала уютом. Теперь все выглядело как декорация: идеально расставленные вазы, фотографии в серебряных рамках, зеркало, в котором отражалась пара, похожая на супругов только издалека.

Кирилл прошел в гостиную первым.

Анна закрыла дверь и задержалась у лестницы, прислушиваясь. Наверху было тихо. Слишком тихо для дома, где плачет ребенок. Значит, Лиза не плакала. Она читала чат. Смотрела видео. Пыталась понять, где в ее жизни появилась еще одна семья.

Эта мысль заставила Анну сделать шаг к лестнице, но Кирилл сказал:

— Оставь ее.

— Не смей мне указывать.

— Ей надо успокоиться.

— Ей нужна мать.

— Ей нужна нормальная мать, а не женщина, которая сейчас сорвется и начнет собирать чемоданы.

Анна медленно повернулась.

— Ты уже продумал эту сцену?

— Что?

— Чемоданы. Срыв. Нестабильная женщина. Истерика.

Ты повторяешь это слишком уверенно.

Кирилл подошел к бару и налил себе воды. Не виски — именно воды. Он всегда так делал, когда хотел выглядеть собранным.

— Я знаю тебя, Аня.

Она вздрогнула от этого сокращения.

Аня.

Так он называл ее в первые годы. До того как она стала «Анной» — удобной женой, хозяйкой дома, матерью его ребенка, частью его репутации.

— Нет, — сказала она. — Ты знаешь, на какие кнопки нажимать.

Он отпил воды.

— Хорошо. Хочешь правду? Марина — бывшая сотрудница. У нее была тяжелая ситуация. Я помогал ей деньгами. Ребенок привязался. Она этим пользовалась.

Анна смотрела на него молча.

Вот она.

Первая версия.

Гладкая, удобная, почти правдоподобная для постороннего человека. Женщина с ребенком. Богатый благородный мужчина. Благодарность, которая переросла в зависимость. Мальчик, которому не хватало отца.

Но Анна уже видела его лицо в зале.

Слышала, как он сказал «Саша».

Слишком мягко.

— Ты был с ней в отношениях? — спросила Анна.

— Это не имеет значения.

— Для меня имеет.

— Это было давно.

— Сколько?

— Анна.

— Сколько?

Он поставил стакан на стол.

— Несколько месяцев.

Она кивнула.

Несколько месяцев.

Еще одна ложь. Анна почувствовала ее не умом, а телом.

Как чувствуют сквозняк из-под закрытой двери.

— Когда?

— После рождения Лизы.

— Лизе восемь. Саше шесть.

— Я же сказал: все было не так просто.

— Ты спал с Мариной, когда я была дома с маленькой дочерью?

Кирилл резко повернулся.

— Не надо делать из себя святую.

В комнате стало холодно.

Анна даже не сразу поняла смысл фразы.

— Что ты сказал?

Он молчал.

Но теперь уже не мог отступить, потому что злость толк-

нула его туда, куда осторожность не пускала.

— Я сказал, что в нашем браке не только я виноват.

Анна смотрела на него и чувствовала, как внутри что-то медленно поднимается. Не крик. Не слезы. Что-то гораздо опаснее.

Ясность.

— Продолжай.

— Ты после рождения Лизы исчезла как женщина. Все стало вокруг ребенка, твоих страхов, твоей усталости. Я приходил домой и видел не жену, а список претензий.

Анна усмехнулась.

— Вот как.

— Ты хотела красивую жизнь, дом, школу, поездки, но не хотела видеть, какой ценой это дается.

— И поэтому ты завел вторую семью?

— Я никого не заводил!

— Ребенок сам появился?

— Марина забеременела. Я не планировал.

— Но шесть лет планировал молчать.

Он сжал кулаки.

— Я хотел защитить тебя.

Анна почти рассмеялась.

— От чего? От правды?

— От боли.

— Нет, Кирилл. Ты защищал себя от последствий.

Его телефон лежал на столе экраном вниз. Анна видела,

как он иногда бросает на него взгляд. Ждал сообщения. Или боялся его.

— Открой чат, — сказала она.

— Нет.

— Тогда я открою школьный.

Она взяла телефон Лизы, который дочь оставила на тумбе у входа, и открыла приложение. Сообщение Марины уже исчезло. Видео тоже.

Но было поздно.

Родители успели ответить.

«Что происходит?»
 «Это шутка?»
 «Уберите ребенка из обсуждения!»
 «Видео у меня сохранилось».
 «Кирилл Андреевич, это правда?»
 «Марина, вы зачем это сюда пишете?»

Марина.

Значит, ее знали в школе. Не просто как женщину из второго ряда. Не случайную мать. Она была в общем чате.

Анна подняла глаза.

— Она в родительском чате?

Кирилл поморщился.

— Саша ходит в подготовительный класс.

— В ту же школу, что и Лиза.

— Это хорошая школа.

— Это школа нашей дочери.

— Я не мог устроить ребенка в плохое место только потому, что ты когда-нибудь могла что-то узнать.

Анна застыла.

Вот.

Иногда правда вырывается не признанием, а неосторожной фразой.

«Когда-нибудь могла что-то узнать».

Не если.
 Когда.

Он всегда знал, что день придет. Просто надеялся, что успеет подготовиться лучше.

— Значит, ты понимал, что я узнаю, — сказала Анна.

Кирилл провел рукой по лицу.

— Я устал.

— А я только начинаю.

Он посмотрел на нее. В его глазах мелькнула злость, но под ней было другое — тревога.

— Что ты собираешься делать?

— Сначала узнаю, кто такая Марина Орлова. Потом — кто такой Саша. Потом — кто такой Илья Соколов, которого ты случайно назвал. Потом проверю документы, счета и все бумаги, которые ты давал мне подписывать.

На последней фразе Кирилл не выдержал.

— Не лезь туда, где ничего не понимаешь.

Анна почувствовала, как страх, до этого стоявший рядом, сделал шаг ближе.

Документы.

Попала снова.

— Что я подписала, Кирилл?

— Ничего, что должно тебя волновать.

— Тогда почему ты волнуешься?

Он подошел к ней почти вплотную.

— Послушай меня внимательно. У нас есть дочь. Дом. Фамилия. Жизнь, которую ты не построишь заново, если сейчас начнешь рушить все подряд. Марина — ошибка. Саша — сложность. Но это не должно уничтожить семью.

Анна смотрела на него снизу вверх. Когда-то его рост казался ей защитой. Теперь — способом давления.

— Семью уничтожает не тот, кто нашел правду, — сказала она. — А тот, кто годами ее прятал.

— Ты пожалеешь.

Слова прозвучали тихо.

И именно поэтому Анна поняла: это не вспышка злости. Это предупреждение.

Она отступила на шаг.

— Ты мне угрожаешь?

Кирилл будто сам услышал себя и отвернулся.

— Я говорю, что ты не понимаешь последствий.

— Тогда объясни.

— Не могу.

— Не хочешь.

— Не могу, — повторил он. — И тебе лучше остановиться.

В этот момент сверху раздался тихий звук.

Не шаг.
 Не плач.

Щелчок двери.

Анна подняла голову.

Лиза стояла на верхней площадке лестницы. В одной руке она держала плюшевого зайца, в другой — свой телефон.

Лицо у нее было белое.

— Лиза, — Анна быстро пошла к лестнице. — Ты почему не в комнате?

Дочь посмотрела на нее, потом на Кирилла.

— Мне Марина написала.

Гостиная исчезла.

Анна больше не видела ни дивана, ни стола, ни Кирилла.

Только дочь.
Телефон.
И новое слово «написала».

— Что? — голос Кирилла стал глухим.

Лиза спустилась на одну ступеньку. Потом еще на одну.

— Она написала мне в личные сообщения.

Анна подошла ближе, но не стала выхватывать телефон.

— Покажи, зайка.

Лиза протянула ей экран.

Сообщение было коротким.

«Спроси у папы, почему он любит Сашу только тайно».

Анна перечитала его дважды.

Потом еще раз.

Внутри нее что-то оборвалось окончательно.

Она подняла глаза на Кирилла.

Он смотрел на экран так, будто видел не сообщение, а

приговор.

— Позвони ей, — сказала Анна.

— Нет.

— Сейчас.

— Анна, отдай телефон Лизы.

— Позвони ей.

Кирилл молчал.

Тогда Анна нажала на имя отправителя сама.

Вызов пошел.

Один гудок.

Второй.

Третий.

Кирилл рванулся к ней:

— Не надо!

Но Марина ответила раньше.

На экране появилось ее лицо.

Та самая женщина из второго ряда. Теперь ближе. Без пальто, с распущенными светлыми волосами, в комнате с желтым светом за спиной.

Она не удивилась.

Будто ждала.

— Анна, — сказала Марина спокойно. — Наконец-то.

Анна почувствовала, как Лиза прижалась к ее боку.

Кирилл стоял рядом неподвижно.

Марина чуть повернула голову, будто увидела его в кадре.

И улыбнулась.

— Кирилл, ты опять сказал, что Саша не твой?

В доме стало так тихо, что Анна услышала, как где-то в кухне капает вода из крана.

Марина наклонилась ближе к камере.

— Тогда, может, мне прислать Анне фото из роддома?

Лиза тихо вдохнула.

Анна закрыла глаза всего на секунду.

А когда открыла, поняла: первая ложь закончилась.

Теперь начиналась война.

Глава 4. Мальчик по имени Саша

Утро началось не с кофе.

Не с будильника.
 Не с привычного шороха воды в ванной.
 Не с голоса Лизы, которая обычно просила «еще пять минут» и укрывалась одеялом с головой.

Утро началось с тишины.

Анна открыла глаза и несколько секунд смотрела в потолок, пытаясь понять, почему в груди такая тяжесть, будто ночью на нее положили камень. Потом память вернулась целиком.

Школьный праздник.
 Мальчик с бумажным листом.
 «Папа!»
 Сообщение в чате.
 Лицо Марины Орловой на экране.
 Голос, который произнес: «Кирилл, ты опять сказал, что Саша не твой?»

Анна медленно села.

Кирилла рядом не было.

Его половина кровати была холодной и идеально застеленной. Будто он не спал здесь. Или спал так, чтобы не оставить следов. На прикроватной тумбе не было часов, телефона, стакана воды — ничего. Только пустота.

Когда-то это показалось бы ей обычным: ранняя встреча, срочный звонок, важный выезд на объект. Теперь каждая мелочь выглядела как часть побега.

Анна встала, накинула халат и подошла к окну.

Внизу, у ворот, уже не было машины Кирилла.

Конечно.

Он уехал до того, как она проснулась.

Так поступают люди, которым нечего сказать. Или слишком много чего скрывать.

В коридоре было тихо. Анна прошла к комнате Лизы и остановилась у двери. Постучала тихо.

— Лизонька?

Ответа не было.

Она открыла дверь.

Дочь лежала на боку, лицом к стене. Одеяло закрывало ее почти до макушки. На полу валялся плюшевый заяц, тот самый, которого Лиза вчера держала в руках, когда стояла на лестнице и слушала, как рушится ее детство.

Анна подошла ближе.

— Лиза, пора вставать.

— Я не пойду в школу, — сказала дочь глухо.

Анна села на край кровати.

— Почему?

— Все видели.

— Что именно?

Лиза резко повернулась. Глаза у нее были красные, но сухие.

— Мам, не надо делать вид, что ты не понимаешь. Все видели видео. Все читали чат. Все знают, что тот мальчик называл папу папой.

Анна хотела поправить: «назвал Кирилла». Не «папу». Но не смогла. Для Лизы он был папой. Пока еще был. Несмотря ни на что.

— Мы можем остаться дома на один день, — мягко сказала Анна. — Если тебе нужно.

Лиза посмотрела на нее внимательно.

— А потом?

— Потом будет легче.

— Нет, не будет.

Анна сглотнула.

Дети иногда бывают жестокими не потому, что хотят ранить. Просто они еще не умеют утешать ложью.

— Может быть, не сразу, — признала Анна.

Лиза села, подтянув колени к груди.

— Он мой брат?

Второй раз за сутки.

Тот же вопрос.
Та же пропасть под ногами.

Анна могла сказать: «Не знаю». Это было бы честно. Но в глазах Лизы честность выглядела как уклонение. Девочка хотела не юридического ответа, не результата теста, не взрослой осторожности.

Она хотела понять, изменилась ли ее семья навсегда.

— Я пока не знаю точно, — сказала Анна. — Но я узнаю.

— Папа сказал, что нет.

— Папа много чего сказал.

Лиза опустила глаза.

— Ты ему больше не веришь?

Анна посмотрела на свои руки. На кольцо, которое все еще было на пальце. Вчера вечером она хотела снять его. Даже поднесла к суставу, провернула, почувствовала боль — и остановилась. Не потому, что передумала. А потому что поняла: кольцо должно увидеть сам Кирилл.

Снятое не в истерике.
 Не ночью в ванной.
 А при нем.

Как приговор.

— Я верю тому, что вижу, — сказала Анна.

— А я что должна делать?

Этот вопрос оказался самым страшным.

Анна обняла дочь. Лиза сначала сидела неподвижно, потом все-таки прижалась к ней лбом.

— Ты должна быть ребенком, — прошептала Анна. — А все остальное должны решить взрослые.

— У взрослых плохо получается.

Анна закрыла глаза.

— Да. В этот раз очень плохо.

Через час Лиза все же согласилась ехать в школу. Не потому, что перестала бояться. Скорее наоборот. Она сказала: — Если я не пойду, они будут думать, что мне стыдно.

Анна тогда впервые за утро улыбнулась.

Не радостно. Горько.

В ее дочери было больше достоинства, чем во многих взрослых, которые вчера прятали глаза и делали вид, что ни-

чего не слышали.

У ворот школы стояли те же охранники. Те же дорогие машины плавно подъезжали к входу. Те же ухоженные мамы в кашемировых пальто целовали детей в макушки. Но сегодня все было другим.

Взгляды.

Анна почувствовала их сразу.

Они скользили по ней, как холодные пальцы. Кто-то отворачивался слишком резко. Кто-то, наоборот, смотрел чуть дольше, чем позволяла вежливость. Две женщины у крыльца замолчали, когда Анна вышла из машины. Одна тут же наклонилась к другой и что-то прошептала.

Лиза это тоже заметила.

Анна взяла ее за руку.

— Идем.

— Мам, не надо держать меня как маленькую.

Анна отпустила. Через секунду Лиза сама снова взяла ее за пальцы.

Они прошли через двор.

У входа их встретила классная руководительница Лизы, Елена Павловна. Обычно она улыбалась Анне с подчеркнутым уважением. Кирилл был членом попечительского совета школы, и это уважение словно автоматически распространялось на всю семью.

Сегодня улыбка у Елены Павловны была натянутая.

— Анна Сергеевна, доброе утро.

— Доброе.

— Лиза, проходи, пожалуйста. Дети уже собираются.

Лиза посмотрела на мать.

— Я заеду за тобой после уроков, — сказала Анна. — Сразу.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Дочь кивнула и пошла внутрь.

Анна смотрела ей вслед, пока девочка не скрылась за стеклянными дверями. Потом повернулась к учительнице.

— Елена Павловна, мне нужно узнать, в каком классе учится мальчик по имени Саша. Тот, что вчера был на празднике.

Лицо женщины изменилось.

Незаметно для других. Но Анна теперь научилась видеть мелкие трещины.

— Анна Сергеевна, я не уверена, что могу обсуждать других детей.

— Мне не нужны личные данные. Только класс.

— Понимаете...

— Нет, — спокойно сказала Анна. — Не понимаю.

Елена Павловна нервно поправила бейдж.

— Вчера была очень неприятная ситуация. Администрация уже разбирается. Сообщение из чата удалено, родители предупреждены, что распространение видео недопустимо.

— А ребенок?

— Что ребенок?

— Саша. Его тоже предупредили, что он недопустим?

Учительница смутилась.

— Конечно нет. Он маленький.

— Именно.

Анна посмотрела через стеклянную дверь на коридор, где дети переобувались, смеялись, толкались рюкзаками. Как будто их мир еще был простым.

— Мне нужно поговорить с его матерью.

Елена Павловна побледнела.

— С Мариной Игоревной?

Значит, здесь ее знали хорошо.

Не просто мать из подготовительного класса.
 Не случайная женщина.
 Марина Игоревна.

С уважением. Почти осторожно.

— Да, — сказала Анна. — С Мариной Игоревной.

— Я не могу давать контакты.

— Не нужно. Я уверена, мы скоро встретимся.

Анна уже собиралась уйти, когда услышала детский голос:

— А вы Лизина мама?

Она обернулась.

У стены рядом с большим фикусом стоял Саша.

Без бумажного листа, без праздничной жилетки, в темно-синем школьном свитере и с рюкзаком, который был ему немного велик. Сегодня он выглядел совсем маленьким. Меньше, чем вчера. Вчера он был словом, ударом, доказа-

тельством. Сегодня — просто ребенок с расстегнутой липучкой на ботинке.

Анна не сразу смогла ответить.

Вот он.

Мальчик, который за одну секунду разрушил ее жизнь, хотя сам не понимал, что сделал.

У него были темные волосы, чуть взъерошенные на затылке. Ясные глаза. Упрямый подбородок. И та самая складка между бровей, которая появлялась у Кирилла, когда он сосредотачивался.

Анна почувствовала, как по телу прошла ледяная волна.

— Да, — сказала она. — Я Лизина мама.

Саша подошел ближе.

Елена Павловна тут же шагнула к нему:

— Саша, тебе нужно в группу.

— Сейчас, — сказал он, не отрывая взгляда от Анны.

Голос у него был спокойный. Доверчивый. Он не боялся ее. Почему-то это было почти невыносимо.

— А Лиза на меня злится? — спросил он.

Анна присела, чтобы быть с ним на одном уровне.

Она не хотела. Все внутри сопротивлялось. Хотелось встать, уйти, не смотреть на него. Потому что его лицо было слишком живым. Потому что с живым ребенком невозможно обращаться как с уликой.

— Почему ты так решил?

Саша пожал плечом.

— Мама сказала, теперь все будут злиться.

Анна услышала за этими словами Марину. Ее холодную улыбку. Сообщение в чате. Личное сообщение Лизе.

«Спроси у папы, почему он любит Сашу только тайно».

Марина ударила не по Кириллу. Она ударила по детям.

И Анна вдруг почувствовала злость. Настоящую. Чистую. Не ревность, не боль, не унижение. Злость матери.

— Лиза не должна на тебя злиться, — сказала она.

— А вы?

Вопрос был тихий.

Саша смотрел прямо.

Анна замерла.

Шестилетний ребенок стоял перед ней и спрашивал то, что взрослые не решались произнести. Злятся ли она на него? Ненавидит ли? Виноват ли он в том, что родился?

Она увидела его пальцы. Маленькие. Сжатые на лямке рюкзака. Он тоже боялся. Просто держался.

Совсем как Лиза утром.

Анна медленно выдохнула.

— Нет, Саша. Я не злюсь на тебя.

Он изучал ее лицо, словно проверял, можно ли верить.

— Правда?

— Правда.

— Тогда почему папа вчера ушел с вами?

Слово снова ударило.

Папа.

Саша произнес его просто, естественно, без вызова. Так, как Лиза говорила это всю свою жизнь.

Анна не нашла ответа.

Елена Павловна вмешалась слишком быстро:

— Саша, пойдем. Группа ждет.

Но мальчик не двигался.

— Он сказал, что придет после праздника. Но не пришел.

Мама плакала.

Анна поднялась.

Плакала?

Марина Орлова умела плакать?

Женщина, которая улыбалась у двери, писала детям и бросала в школьный чат чужую жизнь, плакала из-за того, что Кирилл ушел с женой?

Или Саша просто видел то, что ему позволили увидеть?

— Саша, — осторожно сказала Анна, — ты давно знаешь

Кирилла?

Он нахмурился.

— Я знаю папу всегда.

Елена Павловна резко побледнела.

— Анна Сергеевна, пожалуйста...

Но Анна уже не слышала.

Всегда.

Не «иногда приходит».
Не «помогает».
Не «мамин знакомый».
Всегда.

— Он приходил к тебе домой? — спросила Анна.

Саша кивнул.

— Он читает мне про динозавров. И машинку подарил. Красную. Только мама сказала, нельзя брать ее в школу, а то Лиза увидит.

Анна почувствовала, как земля под ногами стала мягкой.

Кирилл знал.

Марина знала.

Даже ребенок знал, что Лиза не должна увидеть.

Все берегли тайну.

Все, кроме Анны и ее дочери.

— Саша! — раздался женский голос.

Анна обернулась.

Марина Орлова стояла у входа в коридор.

Сегодня она была без бежевого пальто. В темном платье, с аккуратно уложенными светлыми волосами, с лицом женщины, которая плохо спала, но все равно накрасилась так, чтобы никто не пожалел ее без разрешения.

Их взгляды встретились.

Теперь между ними не было экрана. Не было школьного чата. Не было толпы родителей.

Только несколько метров коридора.
 Один ребенок между ними.
 И имя Кирилла, которое каждая из них произносила по-своему.

Марина подошла к Саше и положила руку ему на плечо.

— Я же просила тебя ждать у группы.

— Я просто спросил, злится ли Лизина мама.

На лице Марины что-то дрогнуло. Быстро. Почти незаметно.

— И что она сказала?

— Что нет.

Марина посмотрела на Анну.

— Благородно.

— Нормально, — ответила Анна. — Не злиться на ребенка — это не благородство. Это минимум.

Уголки губ Марины чуть поднялись.

— Хотела бы я, чтобы все думали так же.

— Тогда не стоило писать моей дочери.

Улыбка исчезла.

Елена Павловна сделала шаг назад, явно мечтая раствориться в стене.

Саша переводил взгляд с одной женщины на другую.

— Мама, а я могу сегодня после школы пойти к папе?

Анна увидела, как Марина напряглась.

— Нет.

— Почему?

— Потому что папа занят.

— Он всегда занят, когда Лиза рядом?

Тишина.

Иногда дети говорят вслух то, что взрослые прячут годами, потому что еще не знают, какие слова считаются опасными.

Марина наклонилась к сыну.

— Саша, иди к Елене Павловне. Сейчас.

— Я хочу к папе.

— Я сказала, иди.

Голос был тихий, но такой острый, что мальчик сразу опустил голову. Анна узнала этот тон. Кирилл тоже умел говорить негромко так, что в комнате становилось холодно.

Саша пошел к учительнице. Проходя мимо Анны, он вдруг остановился.

— А Лиза красивая, — сказал он. — Она вчера хорошо стих читала.

Анна почувствовала неожиданный укол в сердце.

— Я ей передам.

Он кивнул и ушел.

Когда за детьми закрылась дверь, Марина первой нарушила молчание:

— Нам не о чем говорить здесь.

— А где нам есть о чем говорить?

— Нигде.

— Тогда зачем вы написали моей дочери?

Марина посмотрела на нее прямо.

— Потому что ваш муж снова собирался сделать вид, что нас не существует.

Ваш муж.

Не «Кирилл». Не «его отец».

В этой фразе было столько яда, что Анна едва не рассмеялась.

— И вы решили использовать восьмилетнего ребенка?

— А он использовал моего шесть лет.

Анна сделала шаг ближе.

— Не оправдывайте жестокость болью. У вас плохо получается.

Лицо Марины изменилось.

Теперь в нем не было победы. Только усталость. Злость. И что-то похожее на отчаяние.

— Вы думаете, я хотела этого? Думаете, мне приятно стоять здесь и смотреть на его законную жену?

— А мне, по-вашему, приятно смотреть на женщину, чей сын называет моего мужа папой?

Марина отвела взгляд первой.

Это было маленькой победой. Ничтожной. Горькой.

— Он сказал вам, что Саша не его? — спросила она.

Анна промолчала.

Марина кивнула, будто ответ был очевиден.

— Конечно сказал.

— У вас есть доказательства?

— Фото. Видео. Переписка. Переводы. Все, что обычно оставляет мужчина, который уверен, что две женщины никогда не встретятся.

— Почему вы не пришли ко мне раньше?

Марина усмехнулась.

— А вы бы поверили?

Анна не ответила.

Не потому, что Марина была права. А потому, что не знала.

Поверила бы она женщине, которая появилась на пороге и сказала: «У вашего мужа есть сын»? Или захлопнула бы дверь, назвав ее безумной? Или побежала бы к Кириллу, а он обнял бы ее, поцеловал в волосы и сказал: «Аня, господи, какая грязь. Ты же не веришь?»

И она, возможно, поверила бы ему.

Потому что когда ложь живет рядом много лет, она становится похожей на дом.

— Что вы хотите, Марина?

Та посмотрела в сторону двери, за которой исчез Саша.

— Чтобы мой сын перестал быть тенью.

— За счет моей дочери?

— А за счет кого он жил все эти годы?

Анна почувствовала, как пальцы сжались в кулак.

— Не смейте ставить детей друг против друга.

— Это сделал Кирилл.

— А продолжаете вы.

Марина подошла совсем близко.

Вблизи она выглядела старше, чем вчера. Под тональным кремом проступала усталость. Глаза были красными. Не от слез, скорее от бессонной ночи. Анна вдруг поняла: эта женщина тоже не выиграла. Даже если когда-то думала, что выигрывает.

— Вы думаете, он останется с вами? — тихо спросила Ма-

рина. — Потому что вы жена? Потому что у вас дом, фамилия и правильная дочь?

Анна почувствовала удар, но не показала.

— Лиза не «правильная дочь». Она ребенок.

— А Саша, значит, неправильный?

— Это ваши слова.

Марина резко отвернулась.

— Он обещал развестись.

Вот оно.

Неожиданно просто.
 Пошло.
 Старо как мир.

Анна даже стало больно не только за себя, но и за эту женщину. Потому что сколько таких обещаний произносилось в темноте чужих квартир, в гостиничных номерах, в машинах, в сообщениях после полуночи? «Я уйду». «Еще немного». «Ты же понимаешь». «Сейчас не время». «Она не выдержит». «Дочь маленькая».

И женщины ждали.

Одна — дома.
 Другая — в тени.

— Когда? — спросила Анна.

— Что когда?

— Когда он обещал развестись?

Марина посмотрела на нее с горькой усмешкой.

— Когда я была беременна.

Анна медленно вдохнула.

Шесть лет.

Шесть лет Марина ждала обещанного развода.
 Шесть

лет Анна жила в браке, который, оказывается, кто-то уже мысленно делил.
Шесть лет Кирилл приходил из одного дома в другой и в каждом оставлял ровно столько надежды, чтобы его не отпустили.

— Он не собирался уходить, — сказала Анна.

Марина резко посмотрела на нее.

— Откуда вы знаете?

— Потому что он не ушел.

Жестоко.

Но правда редко бывает мягкой.

Марина побледнела.

Анна почти пожалела об этих словах, но не забрала их обратно.

— У меня к вам один вопрос, — сказала она.

— Только один?

— Пока да. Саша знает, что Кирилл женат?

Марина молчала.

Слишком долго.

Анна почувствовала тошноту.

— Господи.

— Я не хотела травмировать ребенка.

— Поэтому позволили ему называть чужого мужа папой в школе его дочери?

— Не чужого! — сорвалась Марина. — Его отца!

В коридоре несколько родителей обернулись.

Марина сразу замолчала.

Анна смотрела на нее и понимала: вот она, настоящая боль. Не красивая, не благородная, не женская солидарность. Боль, в которой каждая готова защищать своего ребенка, даже если для этого придется ранить чужого.

— Тогда докажите, — сказала Анна.

Марина прищурилась.

— Что?

— Что он отец Саши.

— Вы хотите тест?

— Я хочу правду.

— Правда вам не понравится.

— Ложь мне понравилась еще меньше.

Марина молчала.

Потом достала телефон. Быстро пролистала галерею и повернула экран к Анне.

Фото.

Роддом.

Марина лежит на больничной кровати, бледная, уставшая, но улыбающаяся. На руках маленький сверток. Рядом — Кирилл. Без костюма, в простой серой футболке. Наклонился к ребенку. На лице то выражение, которое Анна видела у него только однажды.

Когда он впервые взял на руки Лизу.

Анна почувствовала, как грудь сжалась так сильно, что стало трудно дышать.

Марина листнула дальше.

Саша в год. Кирилл держит его на руках.
 Саша в три. Кирилл задувает свечу вместе с ним.
 Саша в пять. Кирилл учит его держать велосипед.
 Саша спит на диване, а рядом на полу сидит Кирилл и смотрит в ноутбук.

Домашние фото.

Не украденные моменты.
 Не случайные встречи.
 Жизнь.

Чужая жизнь ее мужа.

— Достаточно? — спросила Марина.

Анна не ответила.

Она смотрела на последнее фото. На нем Кирилл был в синем свитере, который Анна подарила ему на годовщину. Она помнила этот свитер. Помнила, как выбирала его. Помнила, как Кирилл сказал, что он «слишком мягкий» и «слишком домашний», но все равно надел, чтобы ее не обидеть.

А потом, значит, поехал в нем к ним.

К Марине.
 К Саше.

Домашний.

— Зачем вы мне это показываете? — спросила Анна.

— Чтобы вы не верили ему.

— Я уже не верю.

Марина убрала телефон.

— Тогда вы умнее, чем я была.

Эта фраза прозвучала неожиданно тихо.

На секунду между ними исчезла война. Остались две женщины, которых один мужчина годами держал в разных клет-

ках, называя каждую любовью.

Но секунда прошла.

Марина снова выпрямилась.

— Я не отдам Сашу в тайну. Больше нет.

— А я не позволю вам разрушать Лизу.

— Значит, у нас проблема.

— Нет, — сказала Анна. — Проблема у Кирилла.

Марина посмотрела на нее внимательно.

Будто впервые увидела не соперницу, а человека, который тоже умеет наносить удар.

В этот момент телефон Анны завибрировал.

Сообщение от Кирилла.

«Где ты? Нам нужно поговорить. Не делай глупостей».

Анна прочитала. Потом показала экран Марине.

Та усмехнулась.

— Его любимая фраза.

— Какая?

— «Не делай глупостей». Обычно это значит: не делай того, чего я боюсь.

Анна медленно убрала телефон в сумку.

— Тогда начнем именно с этого.

Она развернулась к выходу.

— Куда вы? — спросила Марина.

Анна остановилась.

В стеклянной двери отражалась женщина, похожая на нее, но уже другая. Бледная. С темными кругами под глазами. С

обручальным кольцом на пальце. Но с прямой спиной.

— Узнавать, что еще мой муж боялся мне сказать.

Она вышла из школы и только у машины позволила себе вдохнуть полной грудью.

Воздух был холодный, резкий. Осенний.

Анна села на заднее сиденье и впервые за много лет не сказала водителю «домой».

Она достала телефон и открыла поисковую строку.

Пальцы дрожали, но она все равно набрала:

«Илья Соколов адвокат развод».

Результаты появились мгновенно.

Первый же сайт заставил ее замереть.

«Илья Соколов. Семейные споры. Защита активов. Опека. Сложные разводы».

Анна смотрела на имя, которое Кирилл вчера произнес случайно.

И вдруг поняла: он не просто боялся развода.

Он готовился к нему.

Водитель тихо спросил:

— Анна Сергеевна, куда едем?

Она подняла глаза.

— Пока никуда.

Потому что на экране под именем адвоката было еще кое-что.

Отзывы клиентов.

И среди них — короткая строка, от которой у Анны по-

холодели руки.

«Благодарю Илью Соколовича за помощь в оформлении соглашения о разделе имущества. Кирилл В.»

Анна перечитала подпись.

Кирилл В.

Ее муж.
 Ее брак.
 Ее дом.

Все уже было на бумаге.

И, кажется, она подписала собственное поражение задолго до того, как узнала о Саше.

Глава 5. Марина

Анна сидела в машине перед школой и смотрела на экран телефона так долго, что буквы начали расплываться.

«Благодарю Илью Соколовича за помощь в оформлении соглашения о разделе имущества. Кирилл В.»

Обычная строка.
Обычный отзыв.
Обычная благодарность.

Только у Анны от нее холодели пальцы.

Она еще вчера думала, что самое страшное — это мальчик, который назвал Кирилла папой. Потом решила, что страшнее сообщение Марины в школьном чате. Потом — фотографии из роддома, где ее муж смотрел на чужого для нее ребенка тем же взглядом, каким когда-то смотрел на Лизу.

Но теперь появилась новая мысль.

Возможно, Кирилл не просто изменял.

Возможно, он готовился избавиться от нее так же аккуратно, как убирал уведомления с телефона: заранее, тихо, без лишнего шума.

— Анна Сергеевна? — осторожно спросил водитель. — Куда поедем?

Анна подняла глаза.

За стеклом школьный двор жил своей обычной жизнью. Дети бежали к дверям, охранник проверял пропуска, мамы

в дорогих пальто улыбались друг другу с той особой вежливостью, за которой всегда прятался интерес к чужому несчастью.

Марина стояла у крыльца.

Не уходила.

Словно знала, что Анна не сможет просто уехать.

Анна открыла дверь машины.

— Подождите меня здесь.

— Конечно.

Она вышла, чувствуя, как холодный воздух ударил в лицо. Марина заметила ее сразу. Не удивилась. Даже не сделала вид, что собирается уйти. Просто стояла, держа в руках телефон и тонкую папку из темной кожи.

Анна подошла первой.

— Нам нужно поговорить.

Марина посмотрела на нее с усталой усмешкой.

— Уже передумали делать вид, что я заразная?

— Я никогда не делала вид.

— Нет. Вы просто смотрели так, будто я грязь на вашем белом пальто.

Анна сжала ремешок сумки.

— Вчера вы написали моей дочери. После этого у меня есть причины смотреть на вас как угодно.

Марина опустила глаза.

На секунду.

И эта секунда была первой человеческой реакцией, кото-

рую Анна увидела в ней с момента школьного праздника.

— Я не должна была писать Лизе, — сказала Марина.

Анна замерла. Она ожидала нападения, оправданий, ядовитой улыбки. Но не признания.

— Но написали.

— Да.

— Зачем?

Марина усмехнулась, но уже без прежней победности.

— Потому что я шесть лет слушала, что «не время». Шесть лет он говорил, что все решит. Что скажет вам. Что признает Сашу. Что перестанет прятать нас, как стыдную ошибку.

— И вы решили ударить по ребенку?

Марина резко подняла глаза.

— А мой ребенок — не ребенок?

— Не прикрывайтесь им.

— А вы не прикрывайтесь своей дочерью.

Анна шагнула ближе.

— Я не прикрываюсь Лизой. Я защищаю ее.

— И я защищаю Сашу.

— Нет, Марина. Вы мстите Кириллу через детей.

Эти слова попали.

Марина побледнела, и на мгновение ее лицо стало таким открытым, что Анна увидела не соперницу, а женщину, которая слишком долго ждала у закрытой двери, пока за этой дверью праздновали чужую законную жизнь.

— Возможно, — тихо сказала Марина.

Анна не ожидала этого.

— Возможно? — переспросила она.

— Я не святая, Анна. И не буду изображать из себя жертву с чистыми руками. Да, я злилась. Да, хотела, чтобы вы увидели. Чтобы все увидели. Чтобы он наконец перестал приходить к нам тайком, как вор.

— Он вор и был, — сказала Анна. — Только крал не у вас одну.

Марина посмотрела на нее внимательно.

Впервые без ненависти.

— Он вам сказал, что между нами было несколько месяцев?

Анна молчала.

— Конечно сказал, — Марина горько улыбнулась. — У него всегда все «несколько». Несколько встреч. Несколько ошибок. Несколько сложных обстоятельств. У Кирилла даже ложь дозированная, чтобы не выглядела смертельной.

— Сколько это длилось?

Марина отвернулась к дороге. Несколько секунд смотрела на проезжающие машины.

— Саша родился через год после того, как мы познакомились. Но началось раньше.

— Когда?

— Когда Лизе было два.

Анна почувствовала, как воздух стал вязким.

Лизе было два.

Она помнила тот год.

Лиза часто болела. Анна почти не спала. Кирилл задерживался на работе, говорил, что компания проходит сложный период. Она жалела его. Пекла ему сырники по утрам, потому что он любил. Отправляла сообщения: «Ты поел?». Он отвечал через пять часов: «Не начинай, я занят».

А где-то в это же время была Марина.

Молодая. Светлая. Без детских лекарств на кухне. Без халата, пропахшего смесью и бессонницей. Без вечного страха сделать что-то не так.

— Вы знали обо мне? — спросила Анна.

Марина закрыла глаза.

— Да.

Ответ был коротким. Без защиты.

И от этого больно стало сильнее.

— С самого начала?

— Не сразу. Первые месяцы он говорил, что вы почти не живете вместе. Что брак формальный. Что он остается из-за ребенка.

Анна усмехнулась.

— Классика.

— Да. Теперь я тоже это понимаю.

— Но потом узнали.

— Потом — да.

— И остались.

Марина повернулась к ней.

— А вы бы ушли?

Анна хотела ответить сразу. Конечно. Да. Я бы не унижалась. Не ждала. Не строила жизнь на чужом муже.

Но слова не вышли.

Потому что вчера, даже после «папа», даже после чата, даже после фото, кольцо все еще было на ее пальце.

Человек не уходит из лжи в одну секунду. Сначала он учится в ней дышать. Потом — ненавидеть. Потом — выживать. И только потом, если хватает сил, открывает дверь.

Марина, видимо, прочитала ответ на ее лице.

— Вот именно, — сказала она. — Я была беременна. Он плакал, представляете? Кирилл Волков плакал у меня на кухне. Говорил, что впервые чувствует себя живым. Что рядом со мной он не функция, не кошелек, не статус, а мужчина.

Анна вздрогнула.

Кошелек.
Статус.
Функция.

Так он описывал их дом? Их брак? Ее?

— Он говорил, что я его не понимаю? — спросила она.

Марина опустила взгляд.

— Да.

— Что после рождения Лизы я перестала быть женщиной?

Марина молчала.

Анна кивнула.

— Вчера он сказал мне то же самое. Видимо, текст не обновлял.

На лице Марины впервые появилось что-то похожее на стыд.

— Мне жаль.

— Не надо.

— Правда жаль.

— Мне от этого не легче.

— Знаю.

Они стояли у школьной ограды, две женщины одного мужчины, и вдруг между ними повисла не ревность, а страшное узнавание. Кирилл не просто лгал каждой из них. Он создавал для каждой отдельный мир, где другая была причиной боли.

Для Марины Анна была холодной законной женой, которая держит мужчину домом, фамилией и ребенком.

Для Анны Марина была наглой любовницей, разрушившей семью.

А Кирилл все это время был центром обеих историй.

И всегда — страдающим.

— Что у вас в папке? — спросила Анна.

Марина посмотрела на темную кожу в руках.

— То, что вы просили.

— Доказательства?

— Часть.

Она протянула папку.

Анна не сразу взяла ее. Странно: держать в руках документы другой женщины о твоём муже. Как медицинскую карту болезни, которая давно живет в твоём теле, а ты только сейчас узнала диагноз.

Внутри были распечатанные фотографии. Выписки о переводах. Копии чеков. Несколько листов с перепиской.

Анна увидела знакомое имя Кирилла. Его номер. Его короткие сообщения.

«Саша уснул?»
 «Я приеду после десяти».
 «Не звони, Анна рядом».
 «Я все решу после сделки».
 «Потерпи еще немного».

Последняя фраза заставила Анну сжать зубы.

Сколько раз он говорил ей почти то же самое?

Потерпи.
 Не сейчас.
 Ты должна понять.
 Сейчас сложный период.

Она листала дальше.

Фотографии.

Саша на руках у Кирилла. Саша на детской площадке. Саша в машине Кирилла. Марина и Кирилл за столиком в ресторане. Не страсть. Не украденный поцелуй. Быт. Опаснее любой страсти.

На одном фото Кирилл стоял у новогодней елки. В руках держал Сашу. Мальчик был в костюме зайца и смеялся. На заднем плане — камин, гирлянда, коробки с подарками.

Анна узнала подарочную бумагу.

Такую же Кирилл привез домой в тот год. Сказал, что ас-

систентка купила упаковку для корпоративных презентов. Анна тогда еще похвалила вкус ассистентки.

— Господи, — выдохнула она.

Марина молчала.

— Он был у вас на Новый год?

— После полуночи.

Анна закрыла папку.

Она помнила тот Новый год. Кирилл приехал домой к одиннадцати, выпил бокал шампанского, поцеловал Лизу, дождался боя курантов, а через сорок минут сказал, что нужно срочно созвониться с партнерами из Дубая. Анна тогда не злилась. Она даже жалела его.

Он ушел в кабинет.

А потом, видимо, уехал к сыну.

— Вы понимаете, что делаете? — спросила Анна. — Отдавая мне это?

Марина кивнула.

— Начинаю войну.

— С Кириллом?

— Со своей глупостью.

Анна посмотрела на нее.

— Почему сейчас?

Марина долго молчала. Потом сказала:

— Потому что вчера Саша спросил, почему Лиза может сидеть с папой в первом ряду, а он должен ждать, пока папа «освободится».

Анна почувствовала укол под ребрами.

— И вы решили, что лучше пусть страдают все?

— Я решила, что мой сын больше не будет стоять в стороне.

— А моя дочь должна была оказаться в центре?

Марина сжала губы.

— Я уже сказала, что не должна была ей писать.

— Этого мало.

— Знаю.

Снова тишина.

На этот раз не острая. Уставшая.

Анна открыла папку еще раз, уже спокойнее. Ей нужно было перестать чувствовать и начать думать. Но следующая страница выбила ее из этого состояния.

Копия перевода.

Отправитель: Волков К. А.
Получатель: Орлова М. И.
Сумма: 250 000 рублей.
Назначение: «На Са-шу».

Еще один.
Еще.
Еще.

Регулярные платежи.

Не случайная помощь. Не благотворительность. Содержание второй семьи.

Анна листнула дальше и остановилась.

На одном из листов была копия договора аренды квартиры. Плательщик — компания Кирилла.

Адрес.

Анна не знала этот адрес.

Но название жилого комплекса знала. Кирилл однажды водил ее туда смотреть апартаменты для «партнеров из регионов». Она еще тогда сказала, что там чудесный вид на реку. Он ответил: «Может, когда-нибудь купим что-то такое для Лизы».

Для Лизы.

Она почти засмеялась.

— Квартира тоже его? — спросила Анна.

— Компании.

— Значит, его.

— Формально — нет.

Анна медленно подняла глаза.

— Формально?

Марина изменилась в лице, будто поняла, что сказала лишнее.

— Я не разбираюсь в его схемах.

— Но что-то знаете.

— Нет.

— Марина.

Та отвела взгляд.

Теперь Анна увидела то, чего не заметила раньше: Марина боялась. Не ее. Не скандала. Не публичного позора.

Кирилла.

— Что он сделал? — спросила Анна.

— Ничего.

— Вы врете хуже него.

Марина усмехнулась без радости.

— Никогда не думала, что услышу комплимент от жены своего любовника.

— Это не комплимент.

— Знаю.

Анна сделала шаг ближе.

— Почему вы боитесь?

Марина долго смотрела на папку в руках Анны. Потом сказала почти шепотом:

— Потому что он не просто изменял вам, Анна.

— Я уже поняла.

— Нет. Не поняли.

Анна замерла.

Марина облизнула пересохшие губы.

— Саша — это не единственное, что он прятал.

— Что еще?

— Деньги. Доли. Договоры. Ваши подписи.

Анна почувствовала, как внутри снова появился тот холод, который она испытала в машине, увидев отзыв Кирилла об Илье Соколове.

— Что вы знаете о моих подписях?

Марина резко пожалела о сказанном. Это было видно.

— Мне нужно идти.

— Нет.

— У меня работа.

— Вы сами начали.

— Я не должна была.

Анна схватила ее за запястье. Не сильно, но достаточно, чтобы Марина остановилась.

— Что с моими подписями?

Марина посмотрела на ее руку.

— Отпустите.

Анна отпустила.

Несколько секунд они стояли молча.

Потом Марина сказала:

— Он говорил, что вы ничего не читаете.

Анна почувствовала, будто получила пощечину.

— Что?

— Что вы доверяете ему. Что вам проще подписать, чем вникать. Что вы ненавидите документы и цифры.

Анна хотела возразить, но не смогла.

Да.

Она ненавидела документы.
 Да, доверяла.
 Да, подписывала там, где Кирилл ставил закладки.

«Аня, это формальность».
 «Аня, мне некогда объяснять».
 «Аня, ты же знаешь, я не подставляю тебя».
 «Аня, подпиши здесь и здесь».

Марина достала из сумки еще один лист. Сложенный вчетверо.

— Я не знаю, что это. Нашла у него однажды в машине. Сфотографировала, потом распечатала.

Анна взяла лист.

Это была копия страницы договора. Часть текста обрезана. Внизу — подпись.

Ее подпись.

Анна узнала ее мгновенно.

Рядом стояла дата — почти два года назад.

В тот день Кирилл подарил ей серьги. Просто так. Без повода. Сказал: «Ты у меня самая лучшая». А вечером попросил подписать несколько бумаг перед ужином с партнерами.

Анна тогда смеялась: «Ты меня подкупаешь?»
Он ответил: «Я тебя люблю».

Она подписала.

Теперь смотрела на лист и не могла понять юридический язык, но одно словосочетание словно выступило из текста жирными буквами:

«отказ от имущественных претензий...»

— Что это? — прошептала она.

Марина смотрела в сторону.

— Я не знаю.

— Знаете.

— Нет. Но Кирилл говорил Илье, что если все всплывет, вы не сможете претендовать на часть активов.

Илья.

Снова Илья.

Не случайная фамилия. Не оговорка.

Адвокат.
Соглашение.
Раздел имущества.

Анна сжала лист так сильно, что бумага хрустнула.

— Почему вы отдаете это мне?

Марина подняла глаза.

— Потому что если Кирилл решит спасти себя, он утопит нас обеих.

— Нас?

— Вы думаете, он признает Сашу, если из-за этого потеряет бизнес? Дом? Репутацию? Он уже вчера сказал мне, что я должна уехать.

— Куда?

— Куда угодно. Главное — до суда, до разговоров, до проверки.

Анна смотрела на нее и впервые ясно увидела: Марина пришла не только нападать.

Она пришла потому, что ей тоже стало страшно.

— Он угрожал вам?

Марина молчала.

— Марина.

— Он сказал, что если я буду продолжать, Саша может узнать, какой у него «неблагодарной» была мать.

— Что это значит?

— Что у Кирилла есть способы делать людей виноватыми. Даже если виноват он.

Анна подумала о вчерашнем разговоре. «Истерика». «Нестабильная». «Ты не понимаешь последствий». Да, Кирилл умел.

Очень умел.

— Есть еще документы? — спросила Анна.

— Да.

— Где?

Марина покачала головой.

— Не у меня.

— У кого?

Она колебалась.

— Я не могу сказать.

— Тогда зачем начали?

Марина посмотрела ей прямо в глаза.

— Потому что, Анна, вы все еще думаете, что главная боль — это я и Саша. Но скоро поймете: мы были только первой трещиной.

Телефон Марины зазвонил.

Она взглянула на экран и мгновенно побледнела.

Анна увидела имя.

Кирилл.

Марина не ответила.

Через секунду телефон Анны тоже завибрировал.

Сообщение от мужа:

«Не встречайся с ней. Она опасна. И помни: Лиза останется с тем, кто способен сохранять здравый смысл».

Анна прочитала медленно.

Один раз.
Второй.
Третий.

Марина смотрела на нее и, кажется, уже понимала, что

там написано.

— Видите? — тихо сказала она. — Началось.

Анна убрала телефон.

Руки больше не дрожали.

Внутри было страшно, больно, пусто. Но под всем этим впервые появилась странная, жесткая решимость.

Кирилл хотел, чтобы она испугалась.

И она испугалась.

Но не остановилась.

— Где остальные документы? — спросила Анна.

Марина долго молчала.

Потом сказала:

— У вашей подруги.

Анна не сразу поняла.

— У какой подруги?

Марина посмотрела на нее почти с жалостью.

— У Вики.

Мир на секунду потерял звук.

Вика.

Лучшая подруга.
 Крестная Лизы.
 Женщина, которой Анна вчера хотела позвонить первой, но не успела.
 Человек, который знал почти все ее слабости, страхи, привычки.

Анна почувствовала, как папка стала тяжелой, будто внутри лежали не фотографии и документы, а камни.

— Вы ошибаетесь, — сказала она.

Марина покачала головой.

— Я бы очень хотела.

И впервые за все утро Анна поняла: предательство Кирилла было не концом.

Оно было дверью.

А за ней стояли люди, которым она доверяла больше, чем себе.

Глава 6. Дом, который построен на лжи

Анна всегда думала, что дом помнит любовь.

Первый смех ребенка в гостиной.
 Запах яблочного пирога по воскресеньям.
 Шаги мужа ночью, когда он возвращается поздно, но все равно заходит в детскую поправить одеяло.
 Новый год, свечи, фотографии на каминной полке, отпечаток маленькой ладони Лизы на запотевшем окне.

Теперь, переступая порог, Анна поняла: дом помнит все.

И любовь.
 И ложь.
 И то, как человек подписывает бумаги, не читая, потому что доверяет тому, кто стоит рядом.

Она вошла тихо, хотя обычно в доме сразу начиналась жизнь: домработница выходила из кухни, охранник докладывал о доставке, Лиза кричала сверху, что забыла сменку, Кирилл требовал кофе. Сегодня было пусто. Лиза в школе. Кирилла нет. Домработница, видимо, ушла за продуктами.

Анна осталась одна в большом светлом холле, где каждая вещь вдруг стала подозрительной.

Зеркало в золотой раме.
 Консоль из темного дерева.
 Ваза, которую Кирилл привез из Милана.
 Фотография их семьи на стене.

На снимке Анна улыбалась, стоя между мужем и дочерью. Кирилл обнимал ее за плечи. Лиза смеялась, прижимая к груди плюшевого зайца. Идеальная семья на фоне моря. Та самая фотография, которую Анна когда-то поставила на заставку телефона.

Теперь ей хотелось сорвать ее со стены.

Не потому что любовь закончилась.
 А потому что кто-то использовал ее лицо как часть декорации.

Анна прошла в кабинет Кирилла.

Раньше она заходила сюда редко. Не потому, что он запрещал. Формально — нет. Он просто всегда умел обозначать территорию без прямых запретов.

«Там документы».
 «Я не люблю, когда трогают рабочие бумаги».
 «Аня, ты все равно в этом не разбираешься».
 «Если тебе что-то нужно — попроси меня».

Она просила.

Годами просила разрешения в собственном доме.

Сегодня Анна открыла дверь без стука.

Кабинет встретил ее запахом кожи, дерева и дорогого табака, хотя Кирилл давно говорил, что бросил курить. На столе стоял ноутбук, закрытый. Рядом — бронзовая статуэтка волка, подарок партнеров. На стене висели дипломы, сертификаты, фотографии с деловых форумов.

Кирилл Волков.
 Успешный.
 Уважаемый.
 Надежный.
 Семьянин.

Анна медленно подошла к столу и положила на него папку

Марины.

Темная кожа смотрелась здесь почти естественно. Словно папка всегда принадлежала этому кабинету. Словно в доме Кирилла для каждой лжи уже было свое место.

Она открыла нижний ящик стола.

Пусто.

Второй — канцелярия, визитки, несколько конвертов.

Третий был закрыт.

Анна дернула ручку. Не поддался.

Раньше она остановилась бы. Подумала бы: нельзя. Это личное. Это его. Это некрасиво.

Теперь слово «некрасиво» показалось смешным.

Некрасиво было сидеть в первом ряду, пока чужой ребенок называл твоего мужа папой.
Некрасиво было писать восьмилетней девочке.
Некрасиво было годами водить две семьи по одному городу и надеяться, что они не столкнутся в школьном коридоре.

А открыть ящик — это уже мелочь.

Анна осмотрела стол. Ключа не было. Она выдвинула первый ящик еще раз, провела рукой под органайзером, под стопкой визиток, под кожаным ковриком. Ничего.

Телефон завибрировал.

Кирилл.

Анна смотрела на экран, пока звонок не оборвался.

Через секунду пришло сообщение.

«Где ты?»

Она не ответила.

Еще одно.

«Я знаю, что ты встречалась с Мариной».

Анна медленно подняла глаза на дверь кабинета.

Откуда?

Охрана? Водитель? Школа? Или Марина уже успела позвонить ему сама?

Третье сообщение.

«Не делай того, о чем пожалеешь».

Анна усмехнулась.

Сколько лет он тренировал эту интонацию? Даже в сообщениях она звучала так, будто он не угрожал, а заботился.

Она положила телефон экраном вниз.

Потом вернулась к запертому ящику.

На книжной полке стояла фотография Кирилла с Лизой. Дочь лет пяти сидела у него на плечах, оба смеялись. За фотографией Анна заметила маленькую металлическую коробочку. Открыла.

Ключи.

Три штуки.

Она вставила первый — не подошел. Второй провернулся сразу.

Щелчок прозвучал слишком громко.

Анна замерла, будто дом мог услышать и донести хозяину.

Потом открыла ящик.

Внутри лежали папки.

Аккуратные, подписанные, разложенные по цветам. Не хаос человека, который прячет случайные бумаги. Система человека, который готовился.

«Недвижимость».
«Активы».
«Доли».
«Соглашения».
«Личные».

Анна почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

Она взяла папку «Соглашения».

Внутри были копии документов. Договоры, дополнительные соглашения, доверенности, приложения. Почти на каждом — ее подпись.

Анна узнавала даты по жизни.

Вот этот день — они собирались на юбилей ее матери, Кирилл торопил ее в прихожей: «Подпиши сейчас, потом забуду».
Вот этот — Лиза лежала с температурой, а он принес бумаги прямо в детскую: «Аня, это срочно, мне нужно отправить юристам».
Вот этот — их годовщина. Он поставил перед ней бокал вина, поцеловал в плечо и сказал: «Ты моя главная опора».

Главная опора подписывала.

Не читая.

Анна раскрыла один договор и попыталась понять юридические формулировки. Слова казались специально созданными, чтобы человек устал еще до смысла: «имущественные требования», «уступка прав», «безусловное согласие», «отказ от претензий», «доверительное управление».

Ей стало тошно.

Она вынула телефон и сфотографировала первые страницы. Потом еще. Потом подписи.

Руки больше не дрожали. Это удивляло. Вчера она дрожала от одного имени Марины, а сегодня спокойно фотографировала доказательства собственного ограбления.

Наверное, у боли есть предел.

После него начинается работа.

В папке «Активы» были схемы компаний. Названия, которые Анна слышала за ужином, но никогда не запоминала. Стрелки, проценты, доли. В нескольких местах была ее фамилия.

Волкова А. С.

Рядом — передача долей.
Отказ.
Согласие.
Переоформление.

Анна села в кресло Кирилла.

Когда-то она шутила, что это кресло похоже на трон. Теперь поняла: трон не обязательно стоит во дворце. Иногда он стоит в семейном кабинете, рядом с фотографиями, где все улыбаются.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз — Вика.

Анна смотрела на имя подруги так, будто оно было написано на чужом языке.

Вика.

Ее Вика.

Та, которая держала Лизу на руках в роддоме.
Та, ко-

торая приезжала к Анне после первых родов с супом и словами: «Ты не обязана быть идеальной».
Та, которая знала, как Анна плакала в ванной после очередной холодной ссоры с Кириллом.
Та, которой Анна рассказывала почти все.

Марина сказала: документы у Вики.

Нет.

Анна не хотела в это верить.

Предательство мужа — это удар в сердце.
Предательство подруги — нож в спину, когда ты уже лежишь.

Звонок оборвался.

Через несколько секунд пришло сообщение:

«Ань, ты где? Я слышала, что вчера был какой-то ужас в школе. Позвони мне, пожалуйста».

Анна перечитала.

Какой-то ужас.

Как осторожно. Как чисто. Как будто Вика ничего не знала. Как будто не хранила документы. Как будто не была частью той двери, за которой стояли чужие предательства.

Анна нажала на вызов.

Вика ответила почти сразу.

— Ань! Господи, я уже с ума схожу. Что происходит? Мне Оля написала из школы, что там был скандал, какой-то ребенок, Марина...

Голос был знакомый. Родной. В нем были нужные нотки тревоги, возмущения, поддержки. Еще вчера Анна утонула бы в нем и рассказала все.

Сегодня она слушала иначе.

— Ты знаешь Марину Орлову? — спросила Анна.

Пауза.

Короткая.

Слишком короткая для невинного человека, но слишком длинная для случайного.

— Марину? Нет. А кто это?

Анна закрыла глаза.

Первая ложь Вики.

Она прозвучала мягче, чем ложь Кирилла. Но от этого стало только больнее.

— Мать Саши.

— Какого Саши?

Вторая.

Анна посмотрела на папки на столе.

— Сына Кирилла.

На другом конце провода Вика резко вдохнула.

— Аня...

Вот теперь — настоящая реакция.

Не удивление. Не шок. Страх.

— Ты знала? — спросила Анна.

— Нет! То есть... я слышала какие-то слухи, но ты же понимаешь, слухи про таких мужчин всегда ходят. Я не хотела тебя травмировать.

Анна почти улыбнулась.

Все они хотели ее «не травмировать».

Кирилл скрывал ребенка, чтобы защитить от боли.
Марина молчала шесть лет, потому что ждала.
Мать, вероятно, тоже когда-нибудь скажет: «Я хотела как лучше».
Теперь Вика.

Сколько людей берегли ее от правды так заботливо, что построили вокруг нее тюрьму?

— Где документы? — спросила Анна.

Тишина.

— Какие документы?

Третья.

И эта уже была не осторожной. Эта была отчаянной.

— Вика, не заставляй меня повторять.

— Ань, ты меня пугаешь.

— Где документы, которые тебе передала Марина?

Вика молчала.

В трубке слышалось только ее дыхание.

Анна медленно встала и подошла к окну. За стеклом двор был безупречен: ровный газон, мокрая дорожка, черная машина у ворот. Все, что Кирилл так любил — порядок снаружи, пока внутри гниет.

— Я жду, — сказала Анна.

— Она не должна была тебе говорить.

Анна почувствовала, как сердце ударило раз. Очень громко.

— Значит, правда.

— Аня, послушай...

— Нет. Теперь ты слушай. Ты знала о Саше?

— Не сразу.

— Когда узнала?

— Какая разница?

— Огромная.

Вика выдохнула.

— Год назад.

Анна прижалась лбом к холодному стеклу.

Год.

Год назад они с Викой ездили в спа на выходные. Анна тогда призналась, что чувствует: Кирилл отдаляется. Что ей иногда кажется, будто у него есть кто-то. Вика долго держала ее за руку и говорила: «Ты просто устала. Не накручивай. Кирилл любит вас с Лизой».

Год.

— Ты смотрела мне в глаза, — сказала Анна. — И говорила, что я накручиваю.

— Потому что я не хотела, чтобы ты ломала себе жизнь!

— Мою жизнь ломали без меня.

— Ты не понимаешь, что там все сложнее!

Анна закрыла глаза.

Эта фраза стала семейным гимном всех предателей.

Все сложнее.

Никто никогда не говорил: «Я струсил».
 «Я выбрала выгоду».
 «Я решила промолчать».
 «Я предала».

Нет.

Всегда — все сложнее.

— Вика, где документы?

— Они у меня не полностью.

— Что это значит?

— Марина дала мне флешку. Сказала, если с ней что-то случится или если Кирилл начнет давить, передать тебе.

Анна повернулась от окна.

— Когда?

— Три месяца назад.

— И ты молчала?

— Я не открывала ее!

— Не верю.

Пауза.

— Хорошо, — тихо сказала Вика. — Открывала.

Анна рассмеялась.

Смех вышел беззвучным.

— Конечно.

— Аня, там не только про измену. Там про бизнес, доли, какие-то переводы. Я испугалась.

— За меня?

Вика молчала.

— Или за себя?

— Ты несправедлива.

— Я только начинаю.

— Кирилл помог мне с салоном, — выпалила Вика. — Дал деньги. Не подарил, а вложил. Я должна ему.

Вот оно.

Маленькое, грязное, человеческое.

Деньги.

Анна села на край стола.

— Сколько?

— Неважно.

— Сколько, Вика?

— Пять миллионов.

Анна закрыла глаза.

Пять миллионов за молчание. Или за дружбу. Иногда цена одна и та же, просто называется по-разному.

— Он попросил тебя следить за мной?

— Нет!

— Не ври.

— Он просто спрашивал, как ты. Правда. Сначала просто спрашивал. Потом, когда Марина начала угрожать, он хотел знать, говорила ли она с тобой. Я думала, защищаю тебя от скандала.

— Ты защищала свои деньги.

— И тебя тоже!

— Не смей.

Голос Анны стал таким тихим, что Вика замолчала сразу.

— Не смей называть это заботой.

— Аня...

— Где флешка?

— У меня.

— Привези.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Я не могу. У меня клиент через полчаса.

Анна посмотрела на папки, на подписи, на собственную фамилию в чужих схемах.

— Отмени.

— Ты не понимаешь...

— Я сказала: отмени.

Вика замолчала.

Потом тихо спросила:

— А если я не привезу?

Анна впервые почувствовала, как внутри нее поднялась не боль, а сила. Темная, непривычная, холодная.

— Тогда я приеду сама. И не одна.

— Ты мне угрожаешь?

— Нет. Я учусь у Кирилла формулировать предупреждения.

Вика заплакала.

Раньше это подействовало бы мгновенно. Анна стала бы мягче, испугалась бы своей жесткости, начала бы утешать. Но сейчас слезы Вики звучали не как боль, а как еще одна попытка вернуть Анну в прежнее место — удобное, прощающее, виноватое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.